

ДЖУЛЬЕТТА СТРЕЛЯЕТ ПЕРВОЙ

р о м а н

Всеми любимая
Татьяна
Садовникова
возвращается!

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Анна и Сергей Литвиновы

Джюльетта стреляет первой

Серия «Авантюристка», книга 15

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28752431
Джюльетта стреляет первой: Э; Москва; 2018
ISBN 978-5-04-090324-5

Аннотация

Романы Анны и Сергея Литвиновых шокируют и удивляют, заставляя переживать самые яркие чувства и сильные эмоции, которых порой так не хватает в жизни. Острые провокационные сюжеты и неповторимые образы – это фирменный стиль звездного тандема российского детектива!

Татьяна Садовникова получила неожиданное предложение отправиться на далекий остров – там искусственно создано государство, гражданами которого стали русские миллионеры. На Матуа нет ни преступности, ни полиции, ни жестких законов. Но, оказавшись практически в раю, богачи быстро заскучали, перестали интересоваться искусством, спортом, самосовершенствованием и начали элементарно спиваться. Татьяна должна разработать новую национальную идею, которая вернет население к активной жизни. Казалось бы, работа мечты, но с первых же дней на острове Садовникова начала замечать

некоторые странности, и с каждым днем их становилось все больше и больше. Закрывать глаза не в ее характере, и Татьяна начала все глубже погружаться в тайны острова, не замечая, что с каждым шагом приближается к бездне...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

89

Анна и Сергей Литвиновы

Джюльетта стреляет первой

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Город родимый – дыра дырой. Одноэтажки позапрошлого века попережку с хрущобами. В Рязани с Тулой хотя бы Кремль, во Владимире – централ, а у них – ни единой достопримечательности. Если редкий приезжий спросит, куда сходить, – его в недавно построенный торговый центр с киношкой направляют. На полном серьезе.

Старики смирились, родаки – кто на полумертвом химкомбинате за копейки вкалывает, кто в Москву на вахту мотается. Молодежь дружно мечтает сбежать навсегда. Только лет до семнадцати куда денешься? До замужа или до абитуры ты прикована дочерним долгом и школой.

Но Люся не хотела ждать совершеннолетия. Она регулярно слала посылки троюродной тетке в Санкт-Петербург, надеялась – вдруг та к себе пригласит? Чатила на форумах русских, что осели за границей. Даже на ненавистном английском переписывалась – с френдами из Америки и прочих заманчивых стран.

– В школьных олимпиадах участвуй, – советовал мечта-
тель-отец.

– Готовить учись, – наставляла вечно замотанная мать.

Однако Люся в свои двенадцать уже поняла: ни таланта, ни желанья к наукам у нее нет. Лицо миленькое, но в фотомодели не позовут. Спорт, музыка – муторно, да и поздно. Но в шестом классе додумалась записаться в городскую театральную студию. Чего бы нет, если занятия бесплатные? Зато научат, как себя подать лучше.

Играть Бекки Тэтчер или Алису из Страны чудес ей не доверяли, но роли *подруг главной героини* у Люси получались. Родители ходили на все спектакли, оглушительно хлопали из первого ряда. И даже пикнуть не посмели, когда в седьмом классе дочь огорошила: она едет в Москву, на театральный фестиваль.

«Ух, развернусь!» – мечтала Люся на жесткой верхней полке плацкартного вагона.

Но детский коллектив сопровождал десяток взрослых церберов, из гостиницы поодиночке не выпускали, вся столица – только из окна экскурсионных автобусов.

«Тома Сойера» показывали в Домах культуры и школах, красавице Бекки Тэтчер иногда дарили цветы, Люсю (на поклонах она всегда стояла сбоку, у самой кулисы) никто не замечал. Она тоскливо улыбалась в размытое пятно зрительного зала. А когда однажды на сцену взошел молодой человек и протянул букет именно ей, испуганно отпрянула.

Он настойчиво вложил цветы девчонке в ладошку и шепнул:

– Там записка. Обязательно позвони.

Люся еле дождалась, пока занавес, зловеще скрипя, скроет от них торопящихся к выходу зрителей. Расталкивая друзей-артистов, ринулась в туалет, дрожащими руками выдернула из-под целлофановой обертки бумажку – только номер телефона. И короткая фраза: *«Это твой шанс остаться в Москве»*.

Смотрела. Озадаченно хлопала глазами. Лицо парня, что вручил букет, почти не запомнила. Прыщавый, невысокий. Он в нее влюбился? А вдруг это помощник продюсера?! Ищет актрису – хоть в сериал, хоть на «кушать подано»?!

Конечно, она позвонила.

И на следующий день – будто шпион! – ускользнула из Оружейной палаты (их водили туда на экскурсию).

В автобусе – когда пересчитывали по головам – отсутствия девочки не заметили. Что ее нет на ужине – тоже. Тревогу подняли только в одиннадцать вечера – соседки по комнате побежали ябедничать, что Люська загуляла. До часу ночи опрашивали коллектив, потом обратились в полицию. С утра Люсин портрет уже показывали по телевизору и распечатывали в «Лизе Алерт».

Городские видеокамеры отследили: девочка ныряет в метро на станции «Охотный Ряд». Потом на «Фрунзенской» садится в белую «Мицубиси» без номеров. Дальше машина

мелькает в районе университета – и больше не появляется. Девочка будто исчезает с лица земли.

Ее семью и друзей показывают по телевизору, приглашают на ток-шоу.

«Люсенька, доченька! – плачет в телекамеру мать. – Вернись, пожалуйста, домой!»

А экстрасенсы – куда без них – до хрипоты спорят. Один уверяет: тело ребенка – на дне глубокого черного озера. Второй взрывается: «Люсю похитили цыгане! Ее заставляют попросить прощения. Надо искать на вокзалах!»

Но оба врут.

* * *

Солнце не появлялось уже пятнадцатый день.

Таня сунула ноги в тапочки на меху, подошла к окну, взглянула на уличный термометр. Минус один, вместо снега – склизкий, пакостный дождь. Девушка запахла потуже махровый халат. И вдруг расхохоталась.

Чего она ведет себя, словно старуха?

Распрямила плечи и отправилась к зеркалу. Вглядывалась в лицо безо всяких поблажек – под яркой лампой, с близкого расстояния. Однако осталась довольна. Пусть по утрам она хандрит и мерзнет, но выглядит беспечной и юной. Единственную морщину между бровями (косметолог называла ее «складкой гордычки») они совместными усилиями поборо-

ли. Глаза блестят, цвет лица прекрасный. Раньше Татьяна обожала тестировать инновации – чудодейственные кремы, биодобавки, омолаживающие якобы процедуры. Нынче (годы прибавили ума!) поняла: нужно всего лишь высыпаться и по часу в день бегать. Обязательно на свежем воздухе. В любую погоду.

Низкое небо некрасиво переливалось всеми красками серого. Ветер выл тонко и злобно. Прохожие дружно сутулились, прятали носы в воротники темных, под стать погоде, курток.

Ей по-прежнему хотелось на диван, под плед и, может быть, даже грелку в ноги. Но Таня мужественно надела ярко-синие спортивные брючки, алый легкий пуховичок, шапку цвета летнего неба. Зашнуровала зимние кроссовки и бросилась противостоять лени и погоде.

Россыпь мокрого мутанта, то ли дождь, то ли снег, ударила по лицу. Прямо у подъезда (тоже мне, респектабельный район!) блестела под тонким ледком огромная лужа. Таня прыгнула, поскользнулась, едва не упала. В кроссовке хлюпнула вода. Но, вместо того чтобы чертыхнуться, девушка улыбнулась непогоде. Дерзко, с вызовом. И, огибая озера грязи, побежала к парку.

Вернулась после пробежки распаренной и почти счастливой. Набрала ванну с пеной, нарезала витаминной закуски – киви, мандаринчики, пижонский кумкват. Принесла планшет, включила Штрауса, плюхнулась в воду, раскрыла жур-

нальчик.

Глянец распахнулся на странице с тропиками. Красавица, шезлонг, коктейли. И солнца неизменный свет.

Татьяна хмыкнула, закончила из Блока: «Живи еще хоть четверть века. Все будет так. Исхода нет».

Мрачным февралем сложно не вспоминать о лете. В их рекламной тусовке народ вообще помешался. Многие бывшие сослуживцы ушли в дауншифтеры. Сбегали от депрессивной московской зимы на Бали, Филиппины, Гоа. Хвастались: если сдавать квартиру да еще подрабатывать удаленно, можно жить почти королевичами.

Таня восторги беглецов не разделяла. Она сама, конечно, тоже пробовала – благо зарплата немалая – уезжать зимой в теплые края. И всегда дня три искренне восторгалась лазурными водами океана, тропическими коктейлями, гламурными закатами, восхитительным бездельем. Но потом начинала отчаянно скучать. По отчиму с его бигосами и гуляшами. По мамочке с ее суматошной и навязчивой заботой. А главное – она искренне не понимала, чем в тропическом раю можно заняться. Йога, медитации, поиск внутреннего «я»? Но ей куда больше нравилось не копаться в себе, а действовать. Дайвинг, серфинг и кайтинг быстро надоедали. Мемуары писать? Она для этого слишком молода. Просто книги читать? И в Москве можно.

К тому же тропический расслабон очень быстро размягчал мозг. Таня всегда гордилась, что легко переключается с

английского на французский и с ходу может придумать десяток слоганов – хоть про пиццу, хоть про карбюраторы. Но после трех дней купаний, безделья и коктейлей ум будто в спячку впадал.

– Так и надо, ты наконец начинаешь расслабляться! – учили опытные дауншифтеры.

Но Таню состояние тотальной лени пугало и раздражало. Зачем жить, если ты овощ? Зачем вставать по утрам, если днем тебя ждет только спящее море и раскаленный песок? Что за скука – когда никто тебя не разыскивает, не теребит, не прессует!

Лучше домой. Под серое, но родное небо.

Коллеги дружно причитали, что отвратительный московский климат вгоняет их в творческий кризис. Но Садовникова на отсутствие идей никогда не жаловалась. С азартом принимала все новые и новые вызовы. На просевший после кризиса рынок хочет выйти производитель роскошных авто? Возьмусь, богачи-покупатели в России всегда найдутся. Бывший советский завод наладил производство действительно натуральных соков, но не может пробиться сквозь яркие пачки суррогатов? Тоже выручим.

Многие коллеги-рекламисты в последние годы расслабились. Считали: потребитель – *быдло*, любую пошлость проглотит. Яркая, креативная продукция конца девяностых – начала двухтысячных неуклонно сменялась агрессивной, бездарной и наглой. Но особенно Татьяна расстраивалась,

когда видела халтуру в социальной рекламе.

Полное свинство!

Ведь только-только страна начинала добреть. Не под себя тянуть, но и ближнему помогать стремились. Не важно, ребенку или котенку. Люди искренне, с добрым сердцем, шли в волонтеры. Жертвовали. Ездили в хосписы и детские дома.

Народ благодарить надо. Подсказывать, кому и как еще помочь.

Но придорожные рекламные щиты пестрели общими словами, и у Тани складывалось четкое ощущение: «социальщики» лениво, без души осваивают государственные гранты. А на самих больных детей им решительно наплевать.

Таня – если могла – всегда бросалась спасать тех, кому худо. Даже в Тибет однажды летала – чтобы помочь умирающей девочке¹.

И сейчас – когда в коммерческой рекламе научилась всему – решила уйти в социалку. Использовать свой талант на благие дела.

Позвонила Демьяну – хедхантеру, кто уже лет пять помогал ей строить карьеру. Но тот решительно приговорил:

– Дело не для звезд.

– Я согласна потерять в деньгах.

– Правильней сказать – обнищать. Продашь машину, станешь на маршрутке ездить, – предрек собеседник.

– Все равно узнай.

---

¹ Смотри об этом в романе А. и С. Литвиновых «Незримая связь».

– Хозяин – барин.

Через пару дней Демьян перезвонил, озвучил максимальную зарплату. Оказалась она ровно в пять раз меньше ее нынешней, и Таня малодушно признала: терпеть омерзительные московские зимы да еще получать за это гроши она никак не готова.

Помогала знакомой многодетной семье, бесплатно сдавала кровь – но трудиться продолжала на коммерческой ниве. Хотя все чаще прихватывал стыд – за собственное здоровье, молодость, красоту. За хорошую квартиру, новый автомобиль раз в три года, путешествия в самые соблазнительные дали. «Раз у тебя все хорошо, почему так мало помогаешь другим?» – нашептывала совесть.

Но идти в волонтеры она боялась. Фондам не доверяла. А внезапные порывы благотворительности не всегда удавались.

Попыталась однажды одарить нищенски одетую старушку с клюкой, выточенной из обломка доски, а та деньги отринула. Наградила высокомерным взглядом:

– Я не нуждаюсь в милостыне.

Нет, переустраивать человечество нужно *глобально*.

Шанс представился неожиданно.

Воскресным полднем раздался телефонный звонок. Таня не сомневалась: кто-то из подруг или кавалеров зовет в ресторан на бранч.

Но на проводе оказался ее агент по работе. Демьян.

– Ты дни недели перепутал? – чрезвычайно удивилась Татьяна. – Сегодня ведь выходной!

– Пожары всегда случаются, – хмыкнул он. – Я такую «морковку» для тебя раздобыл – класс! Но нужно прямо сейчас на собеседование ехать. В Новую Москву. К трем. Успеешь?

Садовникова опешила. В годы студенчества она, конечно, срывалась по первому свистку. Но в нынешнем статусе одной из лучших рекламисток Москвы ее переманивали совсем подругому. Сначала всегда следовало предложение: более высокая зарплата, перспективы, бонусы. Встретаться часто вообще не просили. Все и без того прекрасно знали красавицу, умницу, сгусток энергии. А портфолио – реклама по ее сценариям – и так на всех центральных каналах.

– Не иначе, в Министерство культуры пригласят, – пошутила Татьяна. – Или к президенту в советники.

– Обижаешь! – гордо отозвался Демьян. – Все куда круче.

– Куда выше-то?

Сейчас девушка работала творческим директором в американском агентстве.

– Фактически свой бизнес у тебя будет, – важно изрек хедхантер.

– Зачем он мне? – фыркнула Садовникова.

Чтобы открывать собственное дело, учил великий отчим Валерочка, надо быть ушлым, беспринципным и гибким. Людьюми в шахматы играть. Свою маржу высчитывать мгно-

венно, без калькулятора.

– Танюх, я тебе когда-нибудь *лажу* предлагал? – интимно молвил Демьян. – Раз звоню в воскресенье, говорю «приезжай», значит, дело на миллион. А по дороге почитай учебник. По твоей любимой социальной рекламе.

Хихикнул. Продиктовал адрес и самонадеянно трубку повесил.

Садовникова отложила телефон. Свой бизнес в области социальной рекламы. Сразу противоречие. Как можно делать деньги на добре?

Но собеседование – вызов, битва! – все равно куда интересней, чем чирикать с девчонками на бранче.

Татьяна пулей выскочила из постели и начала собираться.

Оделась – раз речь о социальном проекте – нарочито скромно.

Охранник черно-глянцевого бизнес-центра взглянул с удивлением: из новой «Инфинити» практически хиппи вышла: экологичная шубка искусственного меха, сумка из кусочков пестрой, явно не натуральной кожи. Спросил подозрительно:

– Вам назначено?

– Я в пентхаус «Взлетный», – улыбнулась Татьяна. – На собеседование.

– Тогда поднимайтесь. Семьдесят четвертый этаж.

Таня двинулась к зданию. По пути оглядела парковку.

Машин совсем немного. У самого входа – «Бентли» и «Ге-

лендваген». Чуть дальше – крошечный электромобиль. Рядом с ним – красный джип «Мерседес» с эффектной аэрографией. Черная акула с человеческим лицом. Где-то Таня видела это пижонское произведение искусства.

Лифт вознес девушку над россыпью хрущевок и деревенских домишек. Кое-где вместо них зияли котлованы. Новая Москва меняла облик. Начали, как водится в России, не с поликлиник и даже не с хороших дорог. Первым посреди огромной территории нового микрорайона возник бизнес-центр из черного мрамора.

«Несерьезное место», – еще по пути решила Татьяна.

А на семьдесят четвертом этаже окончательно разочаровалась. Прямо у лифта – стремянка, ведра с краской. Напротив – пустые комнаты без дверей. Предбанник перед «Взлетным» не ухожен: стол без компьютера, для посетителей – только подумать – деревянные стульчики. Секретарша плохо причесанная, в вязаном кардигане, лак на ногтях облупился.

Хмуро взглянула на Татьяну, приказала:

– Садитесь, ждите.

Девушка обернулась к своим, как она поняла, конкурентам и слегка опешила.

Обоих присутствующих она знала.

Дама с рыжим взрывом волос на голове – известная благотворительница Нонна Байкова. Открывала столовые для бездомных, убежища для женщин, переживших насилие. Звезд организовывала на бесплатные концерты в хосписах и дет-

ских домах. Имидж – профессиональная добрячка, бесребреница.

Бесконечно длинный молодой человек – ноги вытянул до середины комнаты, голова, даже сидя, почти под потолок – популярный блогер Михаил Чайкин. Пишет едко, метко, хлестко. Однажды возжелал помочь больному ребенку – и собрал своими постами и перепостами огромную сумму, на лечение пятерых хватило. С тех пор – как писали СМИ – активно взялся менять мировоззрение россиян. В его проекте «Сто рублей спасут жизнь» уже миллионы участвовали.

«Да, и «мерс» красный – его. Он своей аэрографией на «Ночи пожирателей рекламы» хвастался», – вспомнила Татьяна.

Но зачем их троих – абсолютно разных – тут собрали?

– Скажите, как называется ваша организация? – обратилась она к секретарше.

Та пожала плечами:

– Вызовут – все объяснят.

– Любезно.

Садовникова перевела взгляд на конкурентов. Оба, похоже, тоже пребывали в неведении. Чайкин вкрадчиво спросил:

– И вы на собеседование?

– Да, – кивнула Татьяна.

Часы с боем (что за странное украшение в полупустой комнате?) зловещим хрипом отсчитали три удара.

И немедленно ворота в пентхаус распахнулись. На пороге показался очень юный, загорелый, улыбчивый и явно «не наш» юноша. Кивнул секретарше:

– Мы готовы.

Та пружиной вылетела из-за стола, кинулась к посетителям:

– Теперь входите!

Блогер с благотворительницей поспешно вскочили. Таня осталась сидеть.

– Вы чего? – зашипела на нее хранительница предбанника.

– Мы пойдем все вместе? – вскинула брови девушка.

– Да! – яростно шепнула секретарша. – Вставай!

Садовникова покачала головой. Ну и влипла она! Даже когда на «Гербалайф» агитируют, собеседование всегда проводят один на один.

Но воскресенье все равно безнадежно потрачено – надо хотя бы посмотреть, что здесь за цирк.

В пентхаус Татьяна вошла последней. Благотворительница с блогером уже сидели в разных уголках кожаного дивана. Прямо перед ними на небольшом постаменте возвышался стол. Там восседали двое. Давешний загорелый юноша. И рыхлый, уже в годах, дядечка. Веки отекли, щеки все в сосудистых звездочках. То ли сердечник, то ли выпивает. Синяя рубашка, коричневый галстук. Подмышки серого костюма потные. Лицо кислое. Глаза хитрые. Пацан и чиновник.

Интересная связка.

Садиться меж двух конкурентов Татьяне не хотелось. Отстранила подпихивающую под спину секретаршу, вышла. Принесла из приемной стул. Поставила – чуть в стороне от дивана.

Рыхлый мужчина усмехнулся:

– Не играешь по чужим правилам?

Садовникова не стала обижаться на тыканье. В конце концов, она молода, а пожилые дядечки обожают чувствовать себя важными покровителями.

Улыбнулась высокой комиссии и еле заметно повела носом:

– Простите. Люблю автономию.

Мужики наверняка сами сейчас учуют, что от блогера пахнет несвежей одеждой, а от благотворительницы – мучительно сладкими духами.

– Ну, коли самая умная – тогда и начинай, – лукаво улыбнулся рыхлый господин.

Таня с детства ненавидела садиться в лужу и сейчас интуитивно чувствовала: от нее ждут вовсе не рассказа о себе. Но как узнать, чего?

Юнец с интересом пялился на ее грудь. Таня ему поощрительно улыбнулась. Взглянула жалобно: «Спаси, мол!»

И парень понял призыв.

Произнес поспешно:

– Филипп Борисович, давайте я сначала диспозицию об-

рисую.

Самый важный поморщился, но спорить не стал:

– Ладно, Марк. Только коротко.

Юноша соскочил с возвышения:

– Есть в одном море-океане остров. Площадь – как у Сент-Джона, каких-то пятьдесят квадратных километров. Электричество, водопровод, канализация. Пляжи, виды, прекрасный климат. Рай. Одна небольшая проблема: до ближайшей земли – восемьсот морских миль. И аэропорта не имеется.

Таня с удовольствием отметила: благотворительница с блогером недоуменно переглядываются. Значит, на Карибах не бывали.

Решила вмешаться, блеснуть:

– Ваш сказочный остров расположен в сторону мыса Горн? Если идти от Карибов?

Марк не растерялся:

– Мы пока не говорим о точном географическом положении. Я хочу обрисовать ситуацию в принципе. Итак, имеется частный остров. Четыре тысячи жителей. Все – выходцы из России. Плюс персонал – мексиканцы, филиппинцы, этих тысячи две. Но законы там наши. Официальный язык русский. И даже валюта – рубль.

Блогер решительно перебил:

– Чушь. Никто не позволит покупать остров, да еще и свои законы там устанавливать.

Таня снова не удержалась:

– Почему нет? Греки свой Патроклос давно на продажу выставили, всего за 150 миллионов евро. Только никто не берет пока.

На лице благотворительницы Нонны отобразилось крайнее раздражение.

– Слушайте. Меня сюда приглашали, чтобы обсудить социально значимый проект, – сердито произнесла она. – А мы о чем говорим?

– Так не даете ведь договорить! – улыбчиво упрекнул загорелый. – Давайте я продолжу. Итак, остров. На нем четыре тысячи наших. Все успешные, состоятельные. По местным законам, проживать могут лишь те, кто купил собственный дом плюс внес приличную сумму на депозит. Занимаются кто чем. Книжки пишут, компьютерные программы. Но большинство – скажем честно – бездельничают. Поначалу все кричали: «Рай, рай!» Но прошел год, другой – обжились островитяне, заскучили. Одних сумасшедших закатов оказалось мало – захотели еще каких-нибудь зрелищ. А всех развлечений на острове – единственный бар. Вот и стали хандрить. Ссорятся. Пьют много. Подростки дурной примером старших берут.

– А разве им разрешено продавать алкоголь? – вкрадчиво улыбнулась Татьяна.

– Ну, там ведь не совсем Россия. Часть законов мы модифицировали. Активисты выдвинули идею, устроили референдум, большинство высказались «за», – пояснил загоре-

лый. – Решили: в шестнадцать лет покупать пиво можно. Теперь понимаем: ход был поспешный. Но недавно провели опрос: шестьдесят четыре процента ничего менять не хотят. Им удобно отпрысков за выпивкой посылать. И как назад отыграть – непонятно.

Прокашлялся, возвысил голос:

– И от вас, соискателей, требуется решить эту проблему. Нужно доказать, что наш остров – не утопия. И что рай на земле – бывает.

Блогер, кажется, заинтересовался. Азартно спросил:

– Сколько у нас есть времени на разработку концепции?

– Нисколько, – жизнерадостно улыбнулся налитанный солнцем Марк. – У каждого – по минуте. Слушаем ваши предложения – а дальше будем думать.

– Ну, знаете... – Нонна Байкова грузно поднялась. – Подобные программы с кондачка не создаются. Как я могу за минуту и без всякой подготовки найти решение настолько серьезной проблемы?

«Ну и гуляй отсюда», – подумала Татьяна. Не потому, что всерьез решила бороться за должность – слишком уж сладко и терпко от тетушки воняло.

Но благотворительница хотя и встала, уходить не спешила. Решительно молвила:

– Однако я все равно скажу. В самых общих словах, иначе не получится. Людей на вашем острове обязательно надо занять чем-то значимым. Например, отобрать здесь, в России,

человек двадцать сирот из патронатных семей – и отправить туда на каникулы. С жителей – кров, стол, развлечения, научить, кто чему может. Поликлиника у вас там есть?

– Да, конечно. И амбулатория, и больница.

– Тогда примите еще и стариков. В России миллионы колотятся на жалкую пенсию. А вы им – солнце, море, фрукты тропические. Уход и лечение.

– А если жители не захотят этим заниматься? – прищурился загорелый.

– Предлагайте льготы. Особые условия. В конце концов, примите закон: продавать алкоголь только тем, кто благотворительностью занимается.

Таня заметила: рыхляк с нездоровым лицом что-то черкнул в блокноте.

А благотворительная дама продолжала заливаться:

– Можно с малого начать: пусть жители заведут себе друзей по переписке. Из бедных семей, из детдомов. Посылочки пришлют, словом, поддержат. А кто не хочет, – усмехнулась, – тем отключайте газ.

– Газа на острове нет, но вашу идею я понял, – кивнул Филипп Борисович. – Спасибо. Возможно, мы с вами свяжемся.

Загорелый немедленно кинулся к даме. Подхватил под ручку, проводил к двери.

– Кто следующий? – рыхлый дядечка перевел взгляд с блогера на Таню.

Марк наградил девушку успокаивающим взглядом. И

произнес:

– Давайте теперь послушаем мужчину.

Михаил Чайкин вскочил. Он (Татьяна видела) явно не привык к подобным авралам. Руки дрожали, веко дергалось. Но заговорил бойко:

– Позволю себе поспорить с предыдущим оратором. Заставлять заниматься благотворительностью можно предпринимателей. В обмен на снижение налогов. Но ленивым богатым людям эти ваши сиротки будут, пардон, по барабану. Я бы лучше людей в искусство вовлек. Элементарно делается, если вы не в курсе. Знаете, сколько человек нужно, чтобы поставить спектакль? Двое. Режиссер и помощник. Сценарии, реквизит, костюмы – мелочь, в двух чемоданах помещаются. А про славу и сцену мечтает любой, только не все признаются.

Таня скосила взгляд на Филиппа Борисовича. Тот снова сделал в блокноте пометку. Не похоже, что кого-нибудь из них вообще возьмут на работу. Кажется, банально идеи собирают. Забесплатно.

Но блогер (чего ему там наобещали?) шевелил извилинами так, что лицо покраснело и струйки пота по щекам потекли:

– Или не обязательно Мельпомена. Театр для богатого человека – старо, скучно, сложно. Можно предложить массу более примитивных, но весьма захватывающих развлечений. Квесты. Лабиринты. Пейнтбол. Игры в виртуальной реаль-

ности. Вариант шоу «Lost» устроить. Безусловно, потребует определенных затрат, но не верьте тем, кто миллионные сметы представляет. Мой друг в квест вложил триста тысяч «деревянных» – и второй год от клиентов отбоя нет. Многие по пять-шесть раз приходят.

«Третьим быть тяжело. Все уже до тебя сказали», – мелькнуло у Татьяны.

Впрочем, трудности девушку смущали редко. И когда блогер, пыхтящий от только что пережитого нервного напряжения, покинул ристалище, она с улыбкой произнесла:

– Только стабильное тело дает стабильный ум.

Ей показалось: рыхлый дядечка машинально втянул живот. Марк взглянул одновременно робко и восторженно.

Садовникова поднялась с деревянного стульчика. Спина прямая, лицо спокойное. С улыбкой взглянула на экзаменаторов:

– Я расскажу вам, что имею в виду. Но прежде мне хотелось бы узнать, за что мы тут все боремся.

– Ты борешься за счастье жить рядом со мной, – осмелел загорелый.

И немедленно получил – девушка сухо произнесла:

– Мое имя Татьяна Валерьевна. И даже президент нашего международного рекламного холдинга обращается ко мне только на «вы».

Отвернувшись от смутившегося Марка, спросила рыхлого:

– Какую должность вы предлагаете?

– Работа мечты! – попытался перехватить инициативу молодой человек. – Исключительная, потрясающая позиция.

– А детали?

– Контракт на год, – буркнул дядечка. – Пятьсот тысяч долларов. Свой дом, пляж. Машина, прислуга.

– А отпуск?

– После года работы. Если мы, конечно, решим сотрудничать с вами дальше.

– Тогда мне это не подходит, – вздохнула Татьяна. – Извините, что отняла ваше время.

И направилась к двери.

Спиной чувствовала: мужчины озадачены. Возмущены. Очарованы. Неужели никто не захочет ее вернуть? Эй, Марк, взволнуйся!

И он решился. Произнес, когда она уже входную дверь открывала:

– Подождите, Татьяна Валерьевна.

– Я вас внимательно слушаю, – постаралась улыбнуться максимально очаровательно.

– Вы уходите, так и не изложив свою концепцию, – упрекнул парень.

– А зачем? – пожала плечами она. – Работать на вас я все равно не буду. А чирикать бесплатно не люблю.

– Тебе пару сотен подкинуть? За твои *идейки*? – рыхлый презрительно улыбнулся. И достал бумажник.

– За пять слов – слоган для модного журнала – мне запла-

тили десять тысяч. Американских долларов, – уточнила Татьяна.

– А мне вот даже интересно, – вновь подал голос иссушенный солнцем Марк. – Впервые вижу человека, кому не нужна *работа мечты*.

– Правда, Татьяна, почему? – поддержал его Филипп Борисович.

– У меня пожилые отец и мама, – пожала плечами Садовникова. – Я не могу оставить их на целый год и улететь на другой край земли.

– У вас будет целый дом. Кто мешает взять их с собой? – пожал плечами рыхлый.

«Реплика обнадеживает», – обрадовалась Татьяна.

Она вовсе не собиралась приглашать с собой ни отчима, ни тем более маму. Охота была на тропическом острове жить под тотальным контролем! Но раз спокойно позволяют ехать вместе с родителями – однозначно не ловушка и не подстава.

Садовникова решительно произнесла:

– А еще я хочу знать, кто вы такие.

И снова председатель высокой комиссии дал слабинку. Буркнул:

– Марк, представь.

Загорелый кивнул на рыхлого:

– Филипп Борисович Терновой. Житель острова. Избранный мэр. А я – всем понемногу занимаюсь. В комиссии по культуре заседаю, наше единственное печатное издание ре-

дактирую.

– У вас и такое есть? – изумилась Татьяна. – Газета или журнал?

Терновой в раздражении постучал по столу костяшками пальцев.

– Танечка. Я понял, что тебе надо было подумать. Но твое время вышло.

Садовникова еще в университете научилась рассуждать на любую тему и лить воду, даже когда ничего не знала. Она понятия не имела, что ее ждет сейчас – «пятерка» или позор. Но главное – не молчать. Говорить уверенно.

– Благотворительность, театр – все это, безусловно, хорошо. Но хорошо для человека трезвого, с незамутненным разумом. А ваши жители, как я поняла, пьют запойно?

Филипп Борисович сделал отстраняющий жест, и она быстро добавила:

– Хорошо. Пусть не напиваются. Но «пина колада» каждый день. Скажете, не так?

Марк фыркнул.

– В этом и есть корень проблемы, – с важным видом изрекла Татьяна. – Нет стабильного ума без стабильной оболочки. Вам не благотворительность развивать надо, а прежде всего людям мозги на место поставить. Пропагандировать здоровое питание, спорт. Культ красивого тела. У вас есть волейбольная площадка?

Мужчины переглянулись.

Марк неуверенно ответил:

– У Кремера на вилле теннисный корт.

– Он матчи для других жителей проводит?

– Какие матчи? – хмыкнул мэр. – Так, с сыном постучат

иногда.

– А я имею в виду общую для всех волейбольную площадку. У вас ведь имеется какой-нибудь парк? Там и устроить.

– Никто не пойдет, – заверил Марк.

– Конечно, не пойдет. Сначала придется всех вытягивать, организовывать. А потом войдут во вкус. Уверяю.

– У вас имеется опыт подобной работы? – пристально взглянул на нее Филипп Борисович.

– Массовиком-затейником пока не была, – улыбнулась Татьяна. – Но сама веду здоровый образ жизни. И отрекламировать могу что угодно. Вы об этом, несомненно, знаете.

Она самонадеянно считала: ей прямо сейчас отдадут работу мечты. Еще и поторговаться получится – за более высокую зарплату.

Но мэр снова развалился в кресле, распустил живот и отмахнулся от нее вялой ладошкой:

– Спасибо, Татьяна. Через неделю дадим знать, что мы насчет вас решили.

А Марк улыбнулся – грустно и виновато.

«Все-таки воскресенье насмарку».

Садовникова хмуро проследовала через предбанник и даже охраннику на выходе не улыбнулась, хотя он и дверь при-

бежал для нее распахнуть, и в глаза преданно заглядывал.

Шла к машине, сердито думала: «Бред натуральный. Остров на Карибах – но законы российские. Да быть такого не может! Прав Чайкин: подстава. На дурачков расчет. Да еще собеседование устроили на выселках, в каком-то недострое».

Правда, Демьян раньше никогда не подводил. Все его предложения были реальные, более чем достойные. Блогер с благотворительницей – тоже довольно известные шишки. Ради пустяка на дальнюю окраину Москвы не поедут. И краснеть-волноваться не будут.

Впрочем, Татьяне быстро надоела дедукция. Она села в своего красавца «Инфинити» (вдвойне приятно, что не от любовника цацка получена, а честно заработана). Аккуратно тронулась. Снег усилился, ветер трепал голые деревья и рекламный щит с девушкой и надписью «Я свободна!».

Садовниковой вдруг вспомнился старый-престарый журнал «Семья и школа» (у отчима целая подшивка имелась – воспитывал падчерицу по науке). Недавно от скуки пролистывала, наткнулась на письмо женщины. Та недавно развелась с никчемным мужем и гордилась, что теперь ни от кого не зависит. Таня тогда порадовалась за неведомую читательницу. Но дальше в журнале шли комментарии. Предшествовал им суровый заголовок: «Свободна. От чего?»

Кандидаты наук, психологи и прочие ученые наперебой доказывали: одной – плохо. Одной – нельзя.

Иногда – серыми зимними сумерками – Садовникова с

ними соглашалась.

Она включила щетки на максимальный режим, врубила обогрев всего, чего можно, а также веселый, безнадежно устаревший «Ottawavan» и поняла, что ей страшно не хочется сейчас ехать домой, в пустую квартиру.

Счастье, что имелся в ее жизни человек, который всегда был ей рад.

Звонить, предупреждать не стала: любимый отчим – отчаянный домосед, куда ему из дома в столь ужасную погоду. А еда у Валерочки всегда вкусная – независимо, ждет он гостей или нет.

Таня заехала в магазин, купила торт, хорошего чаю, набор приправ – великому кулинару Ходасевичу всегда пригодится. И велела навигатору везти из Новой Москвы на улицу Сельскохозяйственную.

Валерий Петрович встретил ее в спортивных штанах, клетчатой ковбойке и тапочках ей в тон. На его массивной, но осанистой фигуре даже столь примитивный комплект смотрелся элегантно. А когда лицо отчима осветилось бесконечно счастливой улыбкой, Тане он показался самым красивым человеком на земле.

Бросилась толстяку на шею, обняла, прижалась к безупречно выбритой щеке, вдохнула запах свежести, хорошего мыла, дорогого лосьона. Да еще – обратила внимание – из кармана ковбойки выглядывает уголок носового платка, идеально отглаженный.

– Ты такой элегантный, кого-то ждешь? – лукаво улыбнулась падчерица.

– Танюшка! Да кто ж ко мне приходит, кроме тебя.

Отчим, несмотря на свои габариты, легко присел, вынул из обувного шкафчика ее тапочки.

– Валерочка! Ну чего ты! Я бы сама достала.

– Нет уж, деточка, – его глаза сияли. – За любимыми гостями я всегда ухаживаю сам.

Галантно принял из ее рук экологичную шубку, повесил на плечики. Захлопотал:

– Ну, проходи. С чего начнем? Есть пельмешки. Лепил саморучно. Фарш, правда, покупной, но сильно улучшенный. Семгу пару дней назад засолил, сегодня должна быть готова. Грузди есть. Багетик французский сегодняшний. Масло с травами.

– Ох, Валерочка! – Она поставила в холодильник торт. – Давай... все! Я целый день голодная.

– Диета? Или дела?

Он поставил на плиту кастрюлю с водой. Достал семгу, принялся нарезать ее – тончайшими, прозрачными ломтиками.

– Ох, ты не поверишь. Я ходила на собеседование.

– Куда?

– Да чудеса. Вот как ты сам думаешь, может такое быть, чтоб остров где-то на краю земли, чуть не у мыса Горн, но жили бы там все русские? И законы наши? И даже валюта –

рубль?

Валерочка разложил семгу красивым веером, кивнул:

– Конечно, может. Только он не у мыса Горн, а ближе к острову Пасхи.

Таня опешила.

– Откуда ты знаешь?

– Ну, скажем так, не из открытых источников, – улыбнулся отчим.

– Подожди, – Таня подозрительно взглянула на толстяка, – это ты, что ли, мне собеседование организовал?!

– Танюшка, я старый, никому не нужный отставник и давно ничего не организовываю. Но остров могу показать. Принеси, пожалуйста, атлас. А то у меня руки жирные. Открой страницу, где Чили. Видишь ромбик – вот здесь, слева, в Тихом океане?

Буквы мелкие, но Таня – не зря делала специальные упражнения из йоги для зрения! – разглядела без труда.

– Остров Матуа, – пробормотала она. – Это как-нибудь переводится?

– Так звали вождя полинезийского племени. Хоту Матуа. Он со своими людьми высадился здесь в начале пятнадцатого века. Основал поселение, а потом отправился дальше, к острову Пасхи.

– Слушай, прямо равносторонний ромб! – Таня все-таки прищурилась, чтоб рассмотреть.

– А остров Пасхи – равносторонний треугольник, – улыб-

нулся Валерий Петрович. – В тех краях вообще много чудес. Слышала про каменных истуканов? Высотой больше десяти метров, обхват – почти пять. Как такое могли сделать в махровом пятнадцатом веке?

– Но откуда на этом Матуа русские взялись?!

– Танюшка, я эту тему изучал давно и по верхам, поэтому много рассказать не могу. – Валерий Петрович вдохновенно украсил блюдо с семгой веточками укропа и теперь идеально ровными колечками резал лук и посыпал им соленые грузди. – Лет двадцать назад наша Россия была отчаянно бедна. Зато у некоторых ее жителей появились сумасшедшие деньги. Люди без фантазии вкладывали их в недвижимость и бриллианты. Но были среди взлетевших из ниоткуда миллиардеров персонажи достаточно творческие. И одному из молодых, да ранних пришла в голову идея купить остров, поселить на нем равных себе и зажечь в спокойствии и неге.

– А кто этот утопист? Олигарх?

– Сын очень богатых людей. Папа с мамой растили его как царя и ни в чем не отказывали. Но дело не ограничилось лучшими игрушками мира. Он знает несколько языков, хороший спортсмен, получил блестящее образование – экономика, юриспруденция, да еще и консерватория. Первое место работы, не смейся, – обычная музыкальная школа. Парень протестовал таким образом против гиперопеки родителей. Идея с островом, где практически коммунизм, пришла ему в голову, когда он слушал симфонический эскиз «Море» Кло-

да Дебюсси. Юноша изложил свой план родителям, те оценили – однако финансировать отказались. Но мальчик оказался упрямым. Немедленно покинул сферу культуры. Согласился – под руководством отца – делать бизнес. Очень скоро папу превзошел. Когда заработал достаточно, осуществил мечту на собственные деньги. Так и живет с тех пор в рукотворном раю на краю земли.

– А как его звать, этого утописта?

– Прости, запамятовал – о нем давно ничего не слышно. Но имя какое-то необычное.

– А на острове правда сплошные миллионеры? – живо заинтересовалась Татьяна.

– Почти. Там нельзя жить в гостинице или снимать жилье. Обязательное условие – владеть недвижимостью. А небольшой домик стоил от восьмисот тысяч «зеленых». К тому же владелец острова требовал, чтобы ай-кью у хозяина – не меньше ста двадцати. Обязательно диплом о высшем образовании. И никаких судимостей.

– Чудеса.

– Наша структура тоже забеспокоилась, – тонко усмехнулся Валерий Петрович.

– И купила там оперативную квартиру, чтоб всех контролировать? – хихикнула Татьяна.

– Купили бы, да бюджет не позволил. Но по своим каналам узнали: никаких заговоров, никакого криминала. Живут в свое удовольствие. В океане купаются. Особо продвинутые

местные письма пытаются расшифровать – язык до конца не изучен. Один оригинал эликсир молодости изобретает. Развлекаются, короче.

Валерий Петрович ловко обернулся к плите, аккуратно (ни капли кипятка не брызнуло) поместил в кастрюлю пельмени.

Таня не удержалась, похитила с тарелки молоденький груздь. Усмехнулась:

– Могу добыть для вашей конторы деталей. Меня на Ма-туа работать позвали.

– Да ты что?! Кем?

– Здоровую жизнь наладить.

– Ну-ка, расскажи! – Глаза у отчима загорелись.

– Я расскажу, но буду жевать, – предупредила Татьяна.

Смаковала семгу на поджаренном багете, закусывала грибочками и описывала – в лицах – сегодняшнее собеседование и своих конкурентов.

Когда на ее тарелке появилась ладная стопочка пельменей со свежемолотым перцем и сметанкой, взмолилась:

– Больше ни слова!

– Кушай, кушай, Танюшка, – захопотал Валерий Петрович.

Налил ее любимой, ледяной, французской минералки (всегда держал в холодильнике). Выставил на стол еще пару соусов.

На тридцать четвертом пельмене девушка устало откину-

лась на мягкую спинку кухонного дивана:

– Все, Валерочка. Завтра ни в одни брюки не влезу.

– Тебе это не грозит.

Он достал из холодильника торт.

– Так что, – Таня решительно подобрала с тарелки два последних пельменчика, – ехать мне на этот остров?

– Конечно, езжай! – ни секунду не сомневался отчим. – Новое дело, новые люди. Это тебя развлечет.

Мама – та считала, что дочка, при ее должности и доходах, должна быть полностью довольна жизнью. И только отчим понимал, насколько его бойкая падчерица устает от однообразия. От бесконечно повторяющегося маршрута: работа – дом – фитнес – ресторан – работа.

– И климат там, кстати, хороший – куда лучше, чем в тропиках, – вспомнил отчим. – Среднегодовая температура – градусов двадцать, по-моему. Морской воздух и нежаркое солнце. Говорят, очень полезно для кожи.

– Ага, – кивнула Татьяна. – Мой косметолог давно мне загорать запрещает. Говорит, надо ездить на курорты типа Литвы.

– Ну, на Матуа тебе будет гораздо интереснее, чем в Прибалтике, – заверил отчим.

* * *

Таня всегда была самонадеянна – да и основания к этому у

нее имелись. Кандидат наук, английский с французским свободные, одна из лучших в стране спецов по рекламе. Плюс острый ум и неземная красота. Кому еще – как не ей! – выигрывать конкурс на должность мечты?

И конкурентов своих она видела. Да, те больше на слуху, но объективно благотворительница с блогером смотрелись куда более бледно. Демьян, правда, намекнул: на собеседование приглашали и других известных людей. Но даже если рыхлый Филипп Борисович со своими сподвижниками всех и всяческих звезд отсмотрел – все равно она, Татьяна, самая лучшая.

Однако ровно на седьмой день ей пришла сухая эсэмэска: «Благодарим за участие, но ваша кандидатура не подошла».

Садовникова (как всегда бывает, когда стопроцентно уверен в победе) психанула. Схватила с журнального столика вазу. Примерилась. Знакомый психолог убеждал: воспетый Маргарет Митчелл и кинематографом поступок Скарлетт О’Хары реально помогает снять стресс. Но в последнюю секунду удержалась, кидаться в стену не стала. Мамуля разворчитя (ее подарок). Да и осколки потом убирать лень.

Залепила лоу-кик дивану и прямой справа занавеске. Потом включила компьютер. Быть не может, чтоб победитель не похвастался.

Вбила в поисковик: «работа мечты». В глаза лезли сплошь обманки: «Путешествуй за наш счет, веди дневник и получи сто тысяч в месяц!» «Инструктор по дайвингу на Таити,

зарплата 15 000 у. е.» (те, кто ездил, жаловались, что еле-еле пятьсот в месяц наскребается).

Счастливицу велели держать язык за зубами? Таня расширила сферу поиска. «Остров». «Тропики». «Миллионеры». Продралась сквозь владения Онассиса, Рыболовлева, Копперфильда. И вдруг увидела запись в нашем, российском блоге.

Адъес, амигос! Никаких больше «Торро гриль» и «Астерий». Через неделю отбываю на новую должность. В жизни не угадаете, кем буду. Практически аниматор. Стану развлекать миллионеров на крутом тропическом островке. За изрядную, прошу заметить, зарплату.

В комментариях, разумеется, посыпались десятки вопросов: что за остров, где, какая реально должность.

Михаил Чайкин (тот самый, с кем Татьяна встречалась на собеседовании) партизанил, водил подписчиков за нос. Народ подкалывал: «Врешь, мол!» Парень не спорил: «Кто не верит – считайте, что вру».

Но Садовникову больно ранило, что владелец пижонского «Мерседеса» говорит правду.

Больше про остров мечты она не вспоминала (как и Скарлетт, умела выкидывать неприятное из головы). Только Валерочке позвонила, призналась:

– Не взяли меня в синекуру.

Отчим отреагировал спокойно:

– Значит, тебе туда не нужно.

И Таня – как раз началась новая рабочая неделя – погрязла в делах. Задача стояла интереснейшая: снять ролик в духе «Астон Мартина» Джеймса Бонда. Единственное и фатальное отличие – в главной роли выступал отечественный автомобиль.

Автозавод доверял Татьяне безоговорочно, все просьбы и прихоти исполнял по первому свистку. Выделил в личное пользование суперрастюнигованный, с усиленным движком и миллионом наворотов, выставочный образец. Садовникова пару дней покаталась, собрала немало любопытных (а больше насмешливых) взглядов. Оценила работу двигателя, дизайн, комфорт. И с сожалением объявила на очередном мозговом штурме: правду снять не получится. Придется врать.

– В первый раз, что ли? Реклама – фабрика иллюзий, – фыркнул копирайтер.

– К тому же в столбы все врезаются. И «жигулята», и «мерсы», – меланхолически добавил арт-директор.

– Это ты к чему? – обернулась к нему Татьяна.

– Да вон, в ленте. Джип на Ленинском фонарь снес. Под корень.

– Пьяный?

– Непонятно. Тело еще только вырезают.

Садовникова не любила чернухи – тем более во время производственных совещаний. Но сейчас потребовала:

– Покажи.

Арт-директор перебросил ей через стол планшет.

Обломки красного «Мерседеса». И насмешливый, человеческий взгляд акулы на крыле.

Неужели?..

Таня обернулась к стажерке:

– Быстро узнай, кто был за рулем.

Девица (студентка журфака) надула губы, нахально пискнула:

– Я сюда пришла рекламе учиться!

Садовникова сдвинула брови. Косметолог бы сейчас отругала – но стажерка покорно побрела к компьютеру, начала листать новостные сайты.

Минут через двадцать, когда общий разговор давно ушел от аварии, радостно выкрикнула:

– Михаил Чайкин!

– Ты чего орешь? – возмутился погруженный в творческий процесс копирайтер.

А у Тани екнуло сердце.

Чайкин. Тот самый блогер. Не попал он на остров мечты.

* * *

Когда Таня собирала мозговой штурм, на КЗоТ ей было плевать. Сидеть могли до полуночи, до часа, двух ночи. Стажеры бегали за пончиками, подхалимы обожали отправить начальству емейл часика в три утра. Но сегодня – хотя в воз-

духе уже отчетливо витала *идея* – Садовникова распустила всех точно в восемнадцать ноль-ноль. Но сама домой не пошла – побежала в свой кабинет.

Смерть Чайкина напрочь выбила ее из колеи.

«Послушай, подруга, – попыталась урезонить себя, – тебе-то что до бедняги? Ну, погиб – земля пухом. Тебе его должность не предлагали!»

Но тут и Демьян позвонил. Восторженный, шумный:

– Танюха! А ведь не зря я в тебя верил! Десять процентов мои готовь!

Она поняла сразу. Но изобразила недоумение:

– Ты про что?

– На остров поедешь! Мне только что твой контракт переслали. Должность – вообще упасть: *куратор по оздоровлению нации*. Ты только послушай, как звучит!

– Они же сказали, я им не подхожу.

– А теперь передумали! Пятьсот тысяч в год, свой дом, вид на океан, неограниченный бюджет и полная свобода действий. Пункт 3.7.1 вообще чума: «Возможность планировать рабочий день по собственному усмотрению». Ты когда-нибудь такую лафу видела? Все на ненормированных графиках сидят, по пятнадцать часов в день пашут, а ты сама решаешь – или в офис, или на пляж.

– Хорошо, Демьян. Присылай контракт, – попросила Таня. – Я подумаю.

– Да что тут думать?! Соискателей – больше тридцати бы-

ло! И почти все – звезды, многие покруче тебя!

– Мой электронный адрес ты знаешь! – рявкнула Садовникова.

Положила трубку.

Компьютер пискнул – явилась электронная почта.

Таня кликнула на иконку «открыть».

Внимательно прочитала контракт. Заманчиво, черт возьми. Некоммерческая организация «Остров Матуа» – помимо огромного оклада – оплачивает страховку и премии по результатам работы. В распоряжении исполнителя – подключенный к Интернету компьютер, спутниковая связь. Разрешено приглашать гостей (их кандидатуры, правда, должен одобрить городской совет). Единственное ограничение – не рассказывать о своей работе в социальных сетях, не публиковать фотографий, не обсуждать местных жителей.

Снова зазвонил телефон. На определителе светилось: «Демьян».

Таня не взяла трубку. Через пару минут шлепнулась эсэм-эска: *«Чайкин и ты были два ключевых кандидата. За него стоял мэр, за тебя Марк. Ясно, что сначала взяли мэрского. Он выбыл, осталась ты. Все логично».*

Таня оставила послание хедхантера без ответа. Сердито подумала: «Тебе, Демьянушка, хорошо – ни за что отхватить пятьдесят тысяч «зелененьких». В пекло-то самому не лезть».

Нужно с Валерочкой посоветоваться. Причем срочно.

Таня распечатала контракт, бросила в сумочку. Сменила офисные туфли на сапожки, накинула полушубок. Кокетливо повязывать шарфик и красить губы не стала. По закону подлости в коридоре столкнулась с шефом. Тот чрезвычайно удивился:

– Что, концепция по автомобилям уже готова?

– Пока нет, – не стала врать Таня.

– Но почему вы тогда уходите? – начальственный взор полыхнул льдинами.

Что официально рабочий день закончен и у нее могут быть *свои дела* – объяснять бесполезно.

– Все будет. Я еще вас никогда не подводила, – вздохнула Татьяна.

– Пока, – многозначительно парировал шеф.

И даже не попрощался. Юркнул в свой кабинет. Сейчас впишет какую-нибудь пакость в ее личное дело.

Таня посмотрела на офисные часы. Семь вечера. Самые пробки. До Сельскохозяйственной, логова отчима, ползти и ползти.

Она вышла на парковку. Стоял очередной противно влажный февральский вечер. Погода притворялась зимней, но крупные снежинки ударялись об асфальт и мгновенно превращались в серую жижу. Стекла у Таниной машины обледенели, короткая дубленка не спасала мягкое место от холода.

Стучала зубами почти минуту – пока салон не прогрелся.

«Да что я дурака валяю?! Сбежать в тропики – и дело с

концом».

Садовникова с трудом втиснулась в плотный, нервный автомобильный поток.

Когда добралась до Сельскохозяйственной, Валерочка сразу потащил ее за стол. Девушка (обедать сегодня опять было некогда) проглотила огромный бифштекс, слопала полмиски салата, закусила жареным сыром, подострила любимой своей корейской морковкой.

Устало и сыто откинулась на спинку мягкого стула. И безо всякой радости доложила:

– Я все-таки еду на Матуа. Мой конкурент сегодня погиб. На своем «Мерседесе» в столб врезался. Мне предложили его должность.

Отчим остро взглянул на Таню:

– Ты уже согласилась?

– Пока нет.

– Правильно.

– Сам говорил: удивительные совпадения только в плохих детективах бывают. Почему человек разбился, едва получил работу мечты? Вдруг и меня убьют, как только я соглашусь?!

– Кому это выгодно? – словно бы про себя спросил Валерий Петрович.

– Понятия не имею. Но ситуация настораживает.

– Значит, отказывайся.

– Это проще всего, – фыркнула Татьяна. – Но я-то хочу поехать на Матуа! Сколько уже сиднем сижу, безо всяких

приключений! А тут другой конец света. Остров в океане, тропики. Работа интересная. Челлендж. Вызов... – взглянула на отчима умоляюще. – Вот. Реши за меня.

– Решаешь ты все равно всегда сама, – усмехнулся он. – Но я попробую помочь.

– Меня торопят.

– Подождут.

Больше о работе мечты не говорили. Выпили чаю, заели тортиком.

Когда падчерица отправилась домой, Ходасевич сразу включил компьютер.

Возможности пользоваться *особыми* базами у него не было, но нынче и в открытом доступе о любом человеке – гора информации. Пара часов серфинга по блогам, сайтам и форумам, час на раздумья. Ситуация выглядела весьма подозрительно.

Машина у Чайкина была исправна. Уличная камера зафиксировала: ехал в общем потоке со скоростью шестьдесят семь километров в час. Но внезапно завилял и врезался в столб. Имелась в Сети также запись с видеорегистратора свидетеля аварии. И его же комментарий:

– Когда парня из машины вырезали, от него водкой за километр несло.

Однако как уверяла масса знакомых Чайкина – тот, если за рулем, максимум бокал вина выпивал. А тут вдруг водка. Да много. Нетипичный поступок. Но и никаких убедитель-

ных доказательств злого умысла. Человек взрослый. Вряд ли в него насильно алкоголь вливали. Да и пьяненький мог за просто доехать. Если бы ангел-хранитель помог.

Вездесущий Интернет утверждал: в свой последний путь Михаил Чайкин отправился от ресторана «Ми Густо». Валерий Петрович просмотрел сайт заведения: Москва, центр, работает с утра и до последнего посетителя. Ценник предельный – вряд ли посетителей много. Значит, есть шанс, что блогера вспомнят.

Когда Ходасевич в десять вечера вышел из дома, сосед, куривший у подъезда, захлопал глазами:

– Неужели на гулянку?

– Почти, – усмехнулся полковник.

Успел в «Ми Густо» очень удачно – администратор ресторана как раз собиралась уходить, подкрашивала перед зеркалом губы.

Фальшивыми удостоверениями, как и природной наглостью, Ходасевич не обладал. Но с женщинами обращаться умел.

Он предложил администратору проводить ее до ближайшей станции метрополитена. Единственный наводящий вопрос – и та сама начала рассказывать про последний обед Михаила Чайкина.

– С теткой он был! Противная такая, рыжая. Публичная.

– В смысле – легкого поведения? – удивился полковник.

– Нет! В телике часто мелькает. И вечно с бомжами фот-

кается.

– Депутатка, что ли?

– Благотворительница, – поморщилась администратор. – Убогим помогает, столовки для них открывает.

– А звать ее как?

– Нинель, что ли. Или Нателла, – нахмурила лобик девушка.

– У Михаила был с ней роман? – простодушно поинтересовался полковник.

– Вряд ли, – рассмеялась девушка. – Наоборот, все время отодвигался – от нее на весь зал духами разило. Когда ему звонили – вообще от стола отходил. А она, гадина, знаете, что творила? Чайкин-то сам – один бокал пива цедил. А рыжая, едва он отворачивался, ему туда водку подливала! И тот, лопух, ничего не замечал. Я, когда новости посмотрела, про Мишу узнала – все думала: в полицию, что ли, позвонить? Все им выложить – про эту Нинель?

– Очень гражданский поступок, – одобрил полковник.

– Но шеф запретил, – вздохнула девушка. – Сказал: «Водку подливать – такого преступления нет». А если я на рожон полезу, менты в ресторан приедут, найдут нарушения, и мы еще и виноватыми окажемся.

Разговора как раз хватило на недолгий путь до метро. Администраторша кокетливо предложила проводить ее до самого дома. Но Ходасевич поцеловал даме руку и откланялся.

С порога прошел за компьютер. Легко выяснил: рыжую

благотворительницу на самом деле зовут Нонна. И еще вспомнил: Таня недавно упоминала это имя.

Несмотря на поздний час, позвонил падчерице:

– Ты знакома с Нонной Байковой?

– Да.

– Откуда?

– Мы все втроем на собеседовании встретились. Чайкин.

Я. И она. А зачем тебе?

– Завтра все объясню, – пообещал Ходасевич.

И сделал еще один звонок. Побеспокоил бывшего ученика, ныне – частного детектива Пашу Синичкина.

Тот ретиво ухватился за поручение. Когда полковник поднял вопрос о гонораре, усмехнулся:

– Ваш фирменный бигос. Ну, и еще салат «Оливье».

– Когда готовить?

– Завтра, – самонадеянно отозвался парень.

И правда, перезвонил уже на следующий день:

– Виделся с рыжей. Что обедала вместе с блогером – не отрицает. Что водку подливала – не признается. Божится: Чайкин сам пил. Новое назначение отмечал. Говорил: «Пиво без водки – деньги на ветер». Но врет, похоже. На прощание богоугодную фразу сказала: «Собаке – собачья смерть». Как привлечь ее – без понятия. Потерпевших нет, Чайкин мертв. Вы ее посадить хотите?

– Нет, Паша, – усмехнулся полковник. – Во сколько тебя на бигос ждать?

Но прежде чем отправиться в магазин за продуктами, Ходасевич позвонил Татьяне и рассказал о своих изысканиях.

– Отлично! – возликовала девушка. – То есть, – смутилась, – Чайкина жаль, конечно...

– Но лично тебе – ничего не угрожает, – помог полковник. – Если, конечно, ты не поедешь обедать с Байковой.

– Я лучше с тобой поем, – без тени сомнения отозвалась падчерица.

И он растроганно улыбнулся.

* * *

Отъезду предшествовала сплошная беготня. Приостановить годовое членство в спортклубе, отменить визиты к косметологу, пристроить билеты в Ленком на март, на «Ночь пожирателей рекламы» в апреле и в Большой на май. Умолить коллег взять двух ее дипломников (родной факультет регулярно навязывал, просил оппонировать на защите).

А что с ногтями делать? Таня давно поставила себе акриловые. С ними хоть посуду мой, хоть на скалодром ходи. Но найдется ли на Матуа мастер, который сможет сделать коррекцию?

Стесняться не стала. Позвонила Марку. Поинтересовалась: как на острове миллионеров с чисто женской инфраструктурой?

Молодой человек виновато вздохнул:

– Боюсь, она несовершенно.

– Почему?

– В сфере услуг работают исключительно чилийки, тайки и мексиканки. Массаж, татуировки хной – с этим проблем нет. Но лично я стригусь на острове Пасхи. Или в Европе.

– А почему у вас русских мастеров нет?

– Откуда у парикмахерши миллион долларов купить недвижимость?

– Пусть в аренду возьмет.

– Нельзя.

– Почему?

– Мы – общество равных по положению. Нам не нужно, чтобы *низы* сначала освоились, а потом начали *не хотеть*, революционные ситуации создавать.

– А так с чилийками не боитесь?

– Нет. Но визы им выдаем тоже только краткосрочные. Чтоб не успевали привыкнуть и установить прочные связи.

– А если, допустим, у кого-то из местных русских родился ребенок? И он хочет к нему нашу няню?

– Если очень хочет, то это реально. Но придется платить налог. Двести тысяч долларов в год – даже для миллионеров серьезные деньги. Поэтому у нас на весь остров только трое, что ли, камердинеров из России. С десятков гувернанток и экономок. И один шофер.

«Стричься негде, маникюр не сделаешь, фитнеса нет, – расстроилась Татьяна. – Ладно. Хотя бы буду в океане каж-

дый день плавать».

Отчим, правда, пугал, что водичка прохладная – выше семнадцати градусов редко бывает. «Зато закаляться начну», – парировала оптимистка Садовникова.

Она с удовольствием упаковала в пакеты для одежды и проложила антимолюю шерстяные, кожаные и меховые вещи. Затем тщательно проверила весь свой летне-весенний гардероб. Магазин на острове тоже единственный, одеваться в нем – наверняка моветон. Одежды у нее хватает, но не тащить ведь с собой пяток баулов? Целый день крутилась перед зеркалом, подбирала – максимум комбинаций из минимума наименований. В итоге все уместилось в один чемодан. Огромный.

А как, интересно, с химчисткой? Где косметику покупать? Есть ли аптека?

Но снова дергать Марка не стала. Гораздо интересней представлять, что она вообще на *необитаемый* остров едет. Дикари, людоеды, собирать пресную воду, строить из пальмовых веток жилище. Романтика!

Еще отчим масла в огонь подлил. Заставил ее запомнить странную фразу: «тутовое дерево, оно же mahute».

– Зачем? – удивилась девушка.

– Кодовое слово. Сообщишь его мне – в случае каких-то проблем.

– А почему нельзя по телефону пожаловаться?

– Я просто перестраховываюсь, – заверил отчим.

Таня кодовое слово запомнила, однако страхам Валерочки значения не придала.

Ей с каждым днем все милее казалась идея улететь в Сантьяго, Чили, а потом еще дальше, на неведомый тихоокеанский остров. Слишком давно она живет – на радость маме! – цивилизованной, благопристойной дамой.

Мамусика очередной дочкин *каприз* привел в ужас. Но переупрямить Танечку у нее даже в школе не получалось. Поэтому смирилась, закупила для поездки огромный мешок лекарств (наименований пять из них Садовникова даже бросила в чемодан) и взяла с Татьяны обещание ни в коем случае не купаться в шторм.

В день отъезда столицу накрыла пурга, а неподалеку от Таниной квартиры ограбили машину инкассаторов. Таксиста кавказской внешности четыре раза тормозила полиция, снегоуборочные машины шли клином и создавали жуткие пробки, на мостах, по накатанному ледку, буксовали грузовики. В итоге Садовникова ворвалась в аэропорт за сорок минут до вылета.

На регистрацию змеилась многорядная, нервная очередь. Стойки бизнес-класса осаждали даже с большей яростью, чем экономические. Вдоль толпы пассажиров то и дело пробегали взволнованные сотрудники: «Кто на Нью-Йорк? Кто в Лондон, «Бритиш Эйрвейз»?!»

«Надо было вчера электронную регистрацию сделать», – укорила себя Татьяна. Но на прощание загуляла с подруж-

ками, вернулась в три ночи и, ясное дело, поленилась. Да и смысл? Те стойки, где можно просто сдать багаж, облеплены пассажирами, будто водочный прилавок во времена Горбачева.

Она уцепилась за чемодан, разогнала его (когда на четырех колесах, очень хорошо идет) и поехала вслед за ним к самой маленькой очереди. Мокасины были скользкие, потому скорость получилась хорошая.

– Ай! – пронзительно взвизгнула мадам с карманной собачкой и шубой в пол.

– Простите, – Таня ловко остановила свой багаж в миллиметре от огромного саквояжа, усыпанного логотипами LV.

– Это очередь в бизнес-класс, – с ненавистью произнесла тетка.

– Очень хорошо, – кротко отозвалась Садовникова.

– Пассажиров из эконома здесь не обслуживают, – мадам испепелила ее взглядом и отвернулась.

Зато мужчина, вставший сразу за Садовниковой, оказался куда любезнее:

– У вас прекрасный чемодан. И вы сами – прекрасны.

Таня обернулась. Молодой парень. Загорелый. С хвостиком. Джинсы рваные. Взгляд беззаботный. Дауншифтер? Спасается от московской зимы?

Юноша уважительно взглянул на Танечкин дорожный костюм от Тома Форда, поинтересовался:

– В Милан на распродажу?

– Они уже закончились, – улыбнулась Садовникова.

А юнец хорош.

Глаза – сине-бронзовые, будто выцвели от яркого солнца.

И пахнет от него не пивом, а хорошим гелем для душа.

Почему не поболтать, прежде чем они разлетятся в разные концы света?

– Я лечу в Сантьяго, – сообщила Татьяна.

Тетка в шубе вновь обернулась, прошипела:

– Туда вообще только чартеры летают.

А юноша картинно схватился за сердце:

– Немедленно сдавайте билет!

– Это еще почему?

Захлопал своими сине-бронзовыми:

– Вы для этой страны слишком красивы. И слишком богаты. А пистолет – отбиваться от альфонсов – вам на борт пронести не дадут.

– В Катманду и Тибете у меня проблем не было, – пожала плечами Таня.

– Ну, вы сравнили! Буддистов в вечной медитации – и горячих латиноамериканцев, – усмехнулся парень. И протянул руку: – Я Пит. «Петю» ненавижу.

– Я Таня. – Она с удовольствием пожала теплую, крепкую ладонь. Не без сожаления добавила: – Хотя смысл нам знакомиться? Разлетимся сейчас в разные стороны.

– Вообще-то я тоже в Сантьяго.

«Опять совпадение».

Таня подозрительно взглянула на парня:

– А куда дальше?

– О, совсем далеко. На остров Пасхи.

Произнес не без грусти:

– Я бы мог показать вам Чили – хорошо знаю эти края. Но у меня следующий самолет через полтора часа.

Ладно. Пока проглотим. И используем красавца по максимуму. Таня много времени потратила, чтобы собрать чемодан. А вот почитать путеводитель не успела. Улыбнулась парню:

– Не знаете, как мне лучше до Вальпараисо добраться?

– Хотите свой портрет из парка Экс-Карнель? Или желаете прокатиться на концепсьон?

Компетентный товарищ.

Таня с любопытством переспросила:

– А что это такое?

Пит охотно объяснил:

– Вальпараисо стоит на горе, и в городе куча подъемников. Всего пятнадцать, кажется. Концепсьон из них – самый старый. С испанского, кстати, переводится как «зачатие», – весело улыбнулся, добавил: – Так что если с этим проблемы – обязательно побывайте. Говорят, помогает. Особенно если вместе пойдем.

Шустрая пошла молодежь.

– Проблем с зачатием у меня нет, – заверила Таня. – И времени тоже не будет. Я сразу в порт поеду.

Дауншифтер (или кто он там был) хмыкнул:

– Неужели ко мне поплывете? На остров Пасхи? Или вы к мысу Горн?

– Гораздо ближе. – Таня не стала вдаваться в подробности. – Но самолеты туда не летают.

– До порта ехать часа два, – сообщил Пит. – Электрички нет. Такси дорожные, а самое главное – в основном «Жигули». Зато автобусы – терпимые. И ходят каждые пятнадцать минут. Но есть нюансы. Я бы вас с удовольствием просветил.

«Нет. Даже ради такого красавца в эконом-класс не пойду. А в бизнес его не пустят».

Тут вдоль толпы начал бегать очередной сотрудник, зычно выкликая:

– Сантьяго! Кто на Сантьяго, проходим без очереди на пятую стойку! Ваш борт улетает!

– Сядем вместе? – Юнец галантно подхватил ее чемодан. И разогнал – куда более умело, чем сама Татьяна. Никого не зацепили, оказались у стойки первыми.

– Ловко! – похвалила Садовникова.

– Я умею лавировать, – похвастался он.

«Не дауншифтер. Серфер, наверное», – весело подумала Таня.

Сотрудник авиакомпании принял их за пару.

– Ваши паспорта, молодые люди?

Быстро взглянул на экран компьютера, предложил:

– Места один А, один Б подойдут?

Мальцы теперь тоже летают бизнес-классом, просто с ума сойти.

– Э... только я у окна, – поспешно произнесла Таня.

– А я рядом с вами хоть в джунглях, – решительно молвил Пит.

«Как-то все странно, – снова занервничала Татьяна. – Утро, десятки рейсов. Но рядом со мной оказался попутчик именно до Сантьяго. И летим мы в соседних креслах».

«Если тебе кажется, то так оно и есть», – любил цитировать закон Мерфи великий отчим Валерочка.

Что ж. У нее будут почти сутки, чтобы выяснить, кто красавчика Пита прислал – и зачем.

* * *

Добираться до Чили – история долгая. Только из Парижа лететь четырнадцать часов, и еще до города любви сначала добраться, там поболтаться в транзитной зоне и пересесть на другой самолет.

«Неудобный остров миллионеры выбрали, – подумала Таня. – Чего бы свою колонию где-нибудь в районе Карибов не построить? И море теплей, и рейсы есть прямые».

Едва они с Питом устроились на самых модных в самолете местах (стюардесса сообщила, что на них всегда Филипп Киркоров летает) и выпили приветственного шампанского, Садовникова приступила к допросу. Дамские уловки побо-

ку, сразу взяла быка за рога:

– Тебя кто ко мне подослал?

Пит захлопал глазами.

– Ресницы длинные, уже оценила, – усмехнулась Татьяна. – Давай, колись.

– Э-э... да я просто всегда в аэропорту смотрю, чтоб рядом с симпатичной девчонкой оказаться. Поболтать, а там – кто знает.

– Не заливай. Ты *знал*, что я лечу в Чили. И специально встал именно за мной.

– Да ничего я не знал! Я думал, ты в Европу.

«А правда, кто мог его прислать? Кто-то из колонистов? Бессмысленно. Я и так лечу к ним. Их враги? Но что я могу рассказать? Сейчас, пока на острове еще не была?! Валерочка охранника приставил? Он, может, и рад бы – да возможностей таких нет. Его *контора*? Брось, Таня, у тебя мания преследования».

– Пит, а зачем тебе на остров Пасхи? – вкрадчиво спросила Садовникова.

Он не колебался ни секунды:

– Каменных истуканов буду снимать, закаты на пляже Анакена. Большой проект, возможно, на целый путеводитель.

– Ты фотограф?

– Ну да. Во «Всемирном географе».

– Врешь!

Знаменитый журнал штурмовали многие из ее знакомых. Мечта любого креативщика – колесить по миру и рапортовать читателям о своих впечатлениях. Но никому – ни талантливым авторам, ни мастерам камеры – прорваться в си-некуру не удалось. А тут какой-то до неприличия молодой (сколько ему? двадцать три, двадцать пять?) спокойно достает из спортивной сумки журнал, открывает на второй страничке. Демонстрирует собственный портрет и анонс:

Наш неутомимый Пит Дончев отправился в Эквадор и по пути в городок Баньос де Аква Санта увидел, как извергается вулкан «Огненное горло». Эвакуироваться вместе со всеми не стал – сделал для нас прекрасные снимки. Страницы 60–72.

Таня посмотрела фотографии. Пробежала глазами текст (посредственный, подписан дамой). Неожиданно ревниво спросила:

– Кто писал?

– Наша корреспондентка. Но ее уже уволили.

Снимки Пита выглядели яркими и слегка сумасшедшими. Солнце тонет в жерле вулкана. Два беспечных лица с банками пива в клубах черного дыма.

Таня недоверчиво спросила:

– Где ты учился?

– Первый фотоаппарат – дедовский «Зоркий С» – освоил в пять лет, – похвастался парень. – В школе – фотокружок, всякие конкурсы лет с одиннадцати. В десятом классе взяли

на стажировку в Штаты, потом два года отпахал на магистра, потом все надоело, хотел бросать. И тут меня в «Географ» позвали.

Но Таня все равно не верила:

– И журнал оплачивает тебе бизнес-класс?

– В контракте специальный пункт. Если лететь дольше восьми часов, то да.

– До Парижа – четыре.

– Ну, тут я сам. Для понтов, – усмехнулся Пит. – Путешествую много, премиальных миль куча. Вот и сделал апгрейд.

Придраться не к чему. Но все равно странно.

Пит внимательно на нее взглянул:

– А зачем ты летишь в Чили? Может быть, к другу?

Контракт, конечно, требовал держать язык за зубами. Но как еще вызвать парня на откровенность? Решила сказать правду:

– Я лечу на работу.

– Куда?

– На остров Матуа.

– Да ты что?! – Пит подскочил в кресле. – На тот самый?

Где русская колония?!

Восторг в глазах абсолютно щенячий.

– Ты о нем знаешь?

– Еще бы! Сколько лет пытаюсь туда прорваться!

– А я вот три недели назад впервые услышала.

– Ну, у меня работа такая – интересные местечки искать.

В журнале никто заданий не придумывает. У главного над столом большой плакат висит: «ТЕМ НЕ ДАЁМ». Только два заветных места осталось: Эверест – не базовый лагерь, а самая вершина, конечно, и этот ваш Матуа.

– А что, туда настолько сложно попасть? – удивилась Татьяна.

– Вообще никак. – Пит залпом допил шампанское. – Только по особому приглашению плюс куча проверок. Я один раз подделал вызов. От местного якобы жителя. Специально выбрал старикана под девяносто. Егор Семенчук, ну а я ему – вроде внучатый племянник. Так что ты думаешь? Не просто местная полиция встречала – еще и этого Семенчука притащили. В кресле-каталке, прямо на пирс. Он мне пальцем грозил, кричал, что нехорошо врать. С тех пор я у них в стоплисте, – тяжело вздохнул.

– Они только журналистов не пускают?

– Вообще никого из русских. Только потенциальных покупателей. Кто заранее подтвердит платежеспособность.

– Но почему? – удивилась Татьяна.

– Сам хотел бы узнать! Может, воры в законе там прячутся. Или нарколаборатория.

– А если у человека там родственники?

– Навестить можно, но не дольше, чем на месяц. И никаких фотографий – при выезде багаж тщательно проверяют, флешки изымают, память заставляют стирать. Всех касается. Иностранцев тоже.

– А их туда пускают?

– Есть крошечная квота для туристов – из Европы, Америки. У меня отец болгарин, и я настолько на Матуа помещался, что специально его фамилию взял и вид на жительство получил. Снова рванул туда, теперь по квоте и по болгарскому паспорту. Что ты думаешь? Опять завернули, прямо в порту!

– И после этого ты говоришь, что мы встретились случайно, – усмехнулась Татьяна.

– Ну, я не буду настолько уж нагло врать, – покаянно склонил голову Пит. – Просто мир тесен.

– Что ты имеешь в виду?

– Что ты, что я – редкие, уважаемые специалисты. Поэтому и хедхантер у нас один. Самый лучший.

– Так это Демьян меня сдал?! – возмутилась Садовникова.

– Тань, ну он просто знал, как для меня важно попасть на остров. Но сразу сказал: «Она тебя все равно пошлет». – Пит обезоруживающе улыбнулся.

– Куда я тебя пошлю? Из самолета выкину?! – буркнула Татьяна.

Отвернулась от нового знакомца к окну.

Самолет совсем мягко и незаметно (как всегда бывает, когда сидишь на первых местах) взлетел. Под крылом ежились заснеженные дома-коробочки, вдоль канала Москва – Садовникова углядела – брел одинокий лыжник.

Не то обидно, что использовали (в нынешние корыстные

времена – обычное дело). Гораздо противней, что почти поверила: молодой красавчик-фотограф положил на нее глаз. Сидела с ним рядом, радовалась: вот, мол, я еще ого-го-го. Не дряхлеющие дядьки клюют, но юные пленительные красавцы.

– Тань, – жалобно пробормотал из своего кресла Пит, – хочешь орешков?

Смешной. Фантастически красивый.

– А как я могу тебе помочь? – вкрадчиво спросила Татьяна.

– Не знаю, – поспешно отозвался он. – Приглашение ты мне не пришлешь – я не родственник и вообще в стоп-листе. Фотки за меня тоже сделать не сможешь. А если бы и могла – я девчонок не подставляю.

– Тогда на что ты рассчитывал?

– Так... – пожал плечами. – Завести своего человека в стане врага. Может, что когда расскажешь. Или примешь на острове.

– Каким образом, если тебя туда не пускают?

– Ну, как у Лермонтова. Я – контрабандист. Ты – ждешь на берегу, – не растерялся парень.

Самолет набрал высоту, к их креслам немедленно бросилась стюардесса:

– Еще шампанского?

Таня не любила пить в полете – алкоголь в герметичном салоне пересушивает кожу и плохо влияет на сосуды, – но

сегодня решила наплевать на правила. Залпом осушила бокал. Пит последовал ее примеру. Его глаза забронзовели еще больше, румянец на щеках обратил почти в Илью Муромца, но лицо хитрющее – настоящий Алеша Попович.

Нахально погладил ее по коленке, доложил:

– Во всем Демьян виноват. Целую рекламную кампанию тебе устроил. Мол, потрясающая девчонка. Красивая, веселая и не замужем. А мне все равно лететь в Чили, в чертову даль. Я и подумал: не поможешь – так хоть попутчица классная. Вот и купил билет на твой рейс.

– И ты надеешься, что я полечу с тобой *бесплатно*? – усмехнулась Татьяна.

Пит не смутился: вскочил из кресла. Встал на одно колено. Склонил голову:

– Проси, что хочешь.

В среднем ряду сидели женщина с девочкой. Малявка (лет пяти от силы) с восторгом прошепелявила:

– Мам, это лыцаль, да?

Таня фыркнула:

– Взять бы с тебя штраф. Тысяч десять «зеленых». За вранье. Но – так и быть. Отработаешь. Рассказывай мне. Про Чили, Вальпараисо и про русскую колонию – все, что знаешь.

– Перерыв на обед будет?

– Это уж как я решу.

И он послушно начал. Сразу чувствовалось: человек – фотограф, не лектор. Излагал несколько бессвязно, зато образ-

но. Перескакивал с крашенных во все цвета домов на бродячих собак с *особо чилийским, голодным взглядом*.

– А еще весь город увешан рекламой тройных бургеров. Тройных, представь! Они огромные – ну как литровая банка примерно. И вообще там много смешного, странного. Например, магазин подержанных игрушек. Очень популярный. Мужики, когда выпьют, обязательно стихи Пабло Неруды читают. А порт, откуда все круизные лайнеры отправляются, считается секретным объектом.

– Как это может быть?

– А у них там все вместе. И военные корабли, и торговые. От круизного терминала до причала – три с половиной километра. Пешком передвигаться нельзя. Увидят – будут стрелять. Так что обязательно дождись автобуса.

Голос у Пита громкий, неплохо поставленный. Девочка из соседнего ряда то и дело отвлекалась от мультфильма, бросала на молодого человека по-взрослому кокетливые взгляды. Он охотно улыбался в ответ. Малявка (ну и поколение растет!) воодушевилась окончательно. Отправилась якобы по салону пройтись и очень картинно потеряла равновесие возле их кресел.

Пит среагировал мгновенно: подхватил девочку на руки. Прижал к груди, рассмотрел ее жирное от чипсов лицо, нежно чмокнул в щеку, прошептал ласково в ухо:

– Ты моя маленькая царевна!

Соплячка (показалось Татьяне) взглянула на нее с превос-

ходством. Обвила обеими руками шею Пита, потребовала:

– Плонеси меня на лутьках по всему самойоту.

– Вы позволите? – обратился Пит к маме ребенка.

Та (увлеченная «Интернами») отмахнулась:

– Хоть в багажное отделение.

Свою борсетку молодой человек оставил на сиденье. Таня притворилась, будто укутывается в одеяло. Ловко вытащила документ, просмотрела. Действительно, Петр Дмитриевич Дончев. Двадцать четыре года. Красавец (даже на паспортном фото). Профессионал. Интересный собеседник. И от детей не шарахается. (Сама Татьяна – хотя женщина, и несколько старше – малолетних бандитов с бандитками недолюбливала.)

Прикрываясь одеялом, вернула паспорт обратно.

В Париже у них стыковка на три часа. Может быть, затащить идеального мужчину в отель? Фу, Таня! Прекрати. Ты его еле знаешь. И летишь на серьезную должность. И у вас общий знакомый – Демьян. Хочешь потом, чтобы вся Москва болтала про *легко доступную* Садовникову?

«Просто возьму у него телефон. Он мужчина, по Южной Америке спец. Кто знает, как дела пойдут? Вдруг пригодится?»

* * *

До теплохода Пит ее не проводил. Через час после посад-

ки в аэропорту под гордым именем Артуро Мерино Бенитес его ждал следующий самолет – на остров Пасхи.

– Еще пять часов в воздухе? Я бы не выдержала.

Таню даже после почти сладкого сна в раскладном сиденье-кровати бизнес-класса слегка пошатывало.

Пит взглянул внимательно, усмехнулся:

– Не хочу пугать, но на корабле качает куда больше, чем в самолете.

– А как же стабилизаторы качки? – блеснула познаниями бывавшая в круизах Татьяна.

– На твой Матуа большие лайнеры не ходят. Плывет небольшой кораблик, перевозит в основном местных. Так что вечерних платьев и капитанского вечера тоже не жди.

– Вот не понимаю, – Садовникова повторила давно терзавшую ее мысль, – зачем богатым людям было забираться в такую глушь? Почему на Карибах островка не нашли?

– Возможно, им есть что скрывать, – усмехнулся парень.

– Ты меня пугаешь.

– Я слышал, когда выбирали остров, были варианты куда гламурнее. Мальдивы, те же Карибы. Греция. Но там – хоть ты и собственник – все равно с местными законами надо считаться. Представителя страны на территории селить. И только на Матуа им вместе с землей дали полный карт-бланш. Стройте хоть коммунизм, хоть первобытное общество.

– А у них есть какая-нибудь цель? Пятилетка в три года? Экологические какие-нибудь программы?

– Зачем? – округлил глаза Пит. – Просто живут в свое удовольствие. Ну, еще иногда принимают дурацкие законы. Потом их отменяют.

– Например?

– Одно время максимально разрешенная скорость на острове была сто пятьдесят километров в час.

– Ты шутишь?

– Они абсолютно серьезно решили. На референдуме.

– И что?

– Через неделю сбили подростка на велосипеде. Насмерть.

– Кошмар. А кто?

– Его сосед. Экспертизу там проводить некому, но очевидцы говорили – был пьяный, выезжал задом из гаража. Обращиваться или в зеркало смотреть не стал – дал полный газ. А мальчик мимо ехал. Его в забор просто впечатало.

– И как у них в таких случаях? Суд, тюрьма?

– Тюрьма на острове мечты? Ты смеешься! Есть только полиция, избранная из граждан. Типа дружинников. И общественный совет.

– Но хотя бы какие-то наказания есть?

– Только одно. Выдворение. Деньги за жилье не возвращаются. Но здесь и до этого не дошло. Стороны примирились.

– То есть родители погибшего ребенка взяли деньги – и простили его убийцу? – опешила Татьяна.

– Говорят, что так.

– И они по-прежнему живут по соседству и смотрят друг

другу в глаза?!

– Общественный совет решил: злого умысла не было. За глупость водитель наказан. Угрызениями совести и деньгами. «Мой грех всегда будет со мной, и кошмарные сны теперь постоянно станут терзать меня», – написал убийца в местной газете.

– Откуда ты все это знаешь?

– По крохам собирал. Интернет ведь на острове имеется, некоторые жители ведут блоги. Подписчиков строго фильтруют, но ты уже знаешь: я умею лавировать.

– Там по-прежнему носятся с бешеной скоростью?

– Нет. Закон отменили. Единогласно. Теперь у них шестьдесят кэмэ в час, как у всех. Но все равно: ни одной камеры, ни одного радара. Ни, конечно, дорожной полиции.

– Слушай, может, мне прямо сейчас обратный билет купить? – Таня поежилась.

– Ох, а я бы все отдал, чтоб туда попасть! – Сине-бронзовые глаза азартно блеснули.

– А вот скажи честно. – Она внимательно взглянула на Пита. – Почему ты не бьешься за Эверест? Почему прицепился именно к Матуа?

Он задумался:

– Знаешь, я много где был. В Индонезии, например, в племени дани. Забавные люди. Член, прости за подробность, в специальном чехольчике носят, называется «котака». А когда кто-то из близких гибнет, отрезают себе фалангу пальца.

В знак скорби. Но даже у них – представь – есть свои законы. А на этом твоём островке их нет. Мне жутко любопытно посмотреть на *абсолютно свободное общество*.

Взглянул жалобно:

– Будешь мне писать? Рассказывать, как там у них все?

– Вряд ли, – честно ответила Таня.

– Тебе лень? Или бесплатно не хочешь?

– Что за глупости! Просто в контракте есть пункт о неразглашении.

– Но как они узнают?

– Да просто «жучок» на мой комп поставят – и все.

– Танюш, – он развернул ее к себе. Посмотрел – ничего мальчишеского, почти отеческий, встревоженный взгляд. – Ты береги себя, – улыбнулся беспомощно. – Я думал, ты просто попутчица хорошенькая. А сейчас – прямо сердцебиение, когда твои глаза вижу.

Отвернулся, смутился.

– Выпей валокордину, товарищ фотограф, и сердце твое успокоится, – улыбнулась она.

Поднялась на цыпочки, чмокнула в щеку:

– Спасибо за компанию. Пока.

Оглядываться не стала. Прошла пограничный контроль, получила свой баул, легко нашла автобус до Вальпараисо. Испанского Татьяна не знала, но улыбок, жестов и международного слова «порт» хватило.

Формальности в круизном терминале прошли громоглас-

но, но быстро, и уже к обеду Татьяна ступила на корабль с гордым именем «Подруга Робинзона».

Каюта люкс оказалась крошечной конурой. Узкая длинная койка, пенальчик-душ. Полочка перед зеркалом по-спартански вместила зубную щетку, пасту и единственный крем для лица. Хотя временное жилище и располагалось на самой высокой, пятой, палубе, балкона здесь не имелось – только грязный иллюминатор. Таня решила немедленно впустить в затхлое помещение морской воздух. Но окно оказалось запаяно. Кондиционер не работал.

Пойти ругаться? Но за окном болтались на рейде корабли, пикировали чайки. Можно подумать, Джим Хопкинс из любимого в детстве «Острова сокровищ» в более комфортных условиях путешествовал! Каюта люкс роскошного лайнера – разве цель жизни? Совсем иное, когда плывешь в неведомое. На остров беззаконных миллионеров. В абсолютную запретку.

Татьяна извлекла из багажа маникюрный набор и швейцарский ножик. Полностью сломать защелку на окне не смогла, но щель получилась приличная. В каюту хлынул морской, мазутный, вольный воздух. А Садовникова сбегала в душ (почти ледяной, но она ведь уже решила закаляться). Перекусила московской копченой колбаской – ввезла, несмотря на строжайший таможенный запрет! – и завалилась спать.

Проснулась – за окном темно, судно приятно раскачива-

ется. В голове чугун, отчаянно хочется пить, но в целом она чувствовала себя куда свежее, чем после двух подряд перелетов.

Умылась, почистила зубы, натянула джинсы. Пора познаться с кораблем. И что-нибудь раздобыть на ужин.

Вышла в тускло освещенный коридорчик. Пустота. Тишина. Зато через пару дверей – веселье: хор нетрезвых мужских голосов поет по-испански. Интересно, в какую сторону ресторан? Пошла в сторону кормы, наобум. Впереди – увидела – маячит фигура. Женщина, очень полная. Идет по коридору в том же направлении.

Таня решила держаться за ней – толстушки всегда знают, где разжиться едой.

Но как ни замедляла шаг, очень быстро даму нагнала. Та шлепала еле-еле. Да еще почти после каждого шага за стену хваталась.

– Sorry, – пробормотала Садовникова.

Уже начала примеряться, как ловчее обойти крупногабаритную тетушку в узеньком коридорчике, но вдруг увидела ее лицо. Смертельная бледность. Синева под глазами. Губа прикушена. По щеке стекает слезинка.

– Вам плохо? – кинулась к несчастной Татьяна. – How can I help you? Это... Le es necesaria la ayuda?²

Черные глаза чилийки (или кто она там была) обратились на девушку с ужасом. Женщина вцепилась в стену теперь

---

² Я могу вам помочь? (англ., исп.)

уже двумя руками и отчаянно, будто героиня голливудского фильма, прошептала:

– I am fine!³

И рухнула в обморок.

Таня перепугалась не на шутку. Делать искусственное дыхание? Бежать за врачом? Просто стучать во все каюты, чтобы помогли?

Но первым делом присела над телом женщины. Расстегнула пуговку высокого воротника-стойки. Положила ладонь на сонную артерию. Убедилась: дышит.

И тут увидела: под бедрами чилийки ширится-расплывается багровое пятно. Таня еще раз взглянула на одутловатое лицо, огромный живот. Да она не просто толстушка! Дама на сносях! И, раз кровотечение, с ребенком явно беда!

Садовникова в который раз пожалела, что выбрала когда-то легкую рекламу вместо грязной медицины. Стукнула ногой в первую подвернувшуюся дверь. В следующую заколотила кулаком. Закричала на весь коридор:

– Ayuden!⁴

Коридорчик мигом заполнился народом. Мелькали смуглые лица, женщину обступили, хлопали по щекам. Возникла легкая паника. Дамы причитали, заламывали руки. Мужчины деликатно отводили глаза. Таня выбрала из толпы самого, на ее взгляд, разумного, крикнула ему:

---

³ Я в порядке (*англ.*).

⁴ Помогите! (*исп.*)

– El doctor!

Мужчина кивнул, подбежал. Совсем скоро явился врач – с бутербродом в руке, в мятом халате. Женщину подхватили, куда-то понесли. Ее голова бессильно болталась, Таня бросилась было помочь, но доктор ее отстранил. Строго произнес:

– Vayan al camarote⁵.

Смысла Таня не поняла, но по тону показалось – ее послали.

Она осталась стоять в коридоре – снова тихом и пустом. Только кровавое пятно на полу расплзлось все шире.

«Кто ее взял на теплоход в таком состоянии? – сердито думала Садовникова. – И где, черт возьми, ее муж, ну, или кто-нибудь?»

Ресторан оказался закрыт.

– Но вы можете купить в магазине шоколадных батончиков, – любезно предложил девушке метрдотель.

Татьяна так и сделала. Прошлась по открытой палубе, поймала множество похотливых мужских взглядов. Многие аборигены были пьяны, запах анаши смешивался с ароматами гнилых водорослей и соли. Садовниковой очень хотелось раздобыть в местном баре пину-коладу и постоять на палубе, но она решила не дразнить гусей. Вернулась в каюту. Слопала батончики, минут десять поглазела в телевизоре на давно забытый в России раритет – «Дикую розу».

А перед сном прочла неумелую молитву о жизни и здоро-

---

⁵ Идите в каюту (исп.).

вье незнакомой чилийки.

Щель, проделанная между окном и рамой, исправно поставляла в каюту пьянящий морской воздух, поэтому спала Татьяна прекрасно. Проснулась рано, до завтрака куча времени. Никаких тренажерных залов на скромном суденышке не имелось, но кто мешает намотать пару километров по верхней палубе, а потом позаниматься там йогой? Сегодня все шезлонги пусты, самцы, видать, отсыпаются после вчерашних загулов.

Таня сидела в падмасане (упрощенная поза лотоса) и медитировала на укутанное дымкой восходящее солнце, когда к ней подошел эффектный джентльмен в морской форме. Козырнул, на неплохом английском спросил:

– Я могу присесть рядом с вами?

Таня представила, как затрещат белые морские штаны с лампасами, если он начнет переплетать ноги по-турецки, и не удержалась, хихикнула.

Однако это ей пришлось «расплетаться» – удалец-молodeц протянул ей руку. Пришлось вставать, усаживаться в шезлонг. Мужчина опустился в соседнее кресло, церемонно представился:

– Свенсон Игл, помощник капитана. А вы, должно быть, Татьяна Са-дов-ни-ко-ва?

– Да, господин Орлов, – буркнула девушка.

Она терпеть не могла, когда прерывали ее медитацию.

– What is Orlov?⁶ – заинтересовался товарищ.

– Ваша фамилия так по-русски звучит, – пояснила Татьяна.

Свенсон взглянул с интересом:

– А вы правда из самой Москвы?

– Да, рука Кремля.

– Кремль – это ваша самая главная крепость?

– Ладно, что вы хотите? – раздраженно спросила Садовникова.

Орлов-Игл хладнокровно отозвался:

– Я просто исполняю свои обязанности. На острове Ма-туа – особый порядок высадки. Мое дело – вас с ним озна-комить.

– Валяйте. То есть go on⁷, – кивнула Татьяна.

– Сойти на берег можно будет завтра, начиная с девяти по корабельному времени. Ваш чемодан, пожалуйста, не запи-райте и оставьте перед каютой не позже шести утра.

Садовникова поморщилась. На круизных лайнерах пасса-жирам всегда облегчают жизнь и собирают багаж заранее. Но здесь – она уже поняла – каждый заботится о себе сам. За-чем тогда выставлять в коридор чемодан? Чтобы его разво-ровали?

– Я сама понесу свои вещи, – категорично отрезала она.

– Не получится, – возразил Свенсон. – Власти острова все-

---

⁶ Что есть Орлов? (англ.)

⁷ Продолжайте (англ.).

гда централизованно собирают багаж, проводят его досмотр и возвращают пассажирам только в порту или доставляют к месту проживания.

«Странные меры предосторожности для острова, где *можно все*», – удивилась Татьяна.

А господин Игл продолжал:

– Порта на острове нет, мы швартуемся в бухте, доставка пассажиров будет осуществляться на тендерах, то есть на специальных катерах. Первый из них отправится на остров не раньше девяти.

– А прибываем мы во сколько?

– В шесть.

– И зачем целых три часа ждать?

– Пограничные и таможенные формальности. Тщательная проверка багажа. Власти Матуа просматривают списки пассажиров, некоторых из них приглашают на беседу.

– А много народу будет сходить?

– Из россиян – только вы. Ну и некоторое количество местных, – уклончиво ответил Свенсон.

– Сколько именно?

– Я получу эти данные только к вечеру. – Помощник капитана скосил глаза к носу. Несомненно соврал. И спешно сменил тему: – Вот сегодня на острове Робинзона Крузо высаживаются пятеро. Остальные пойдут гулять, и их будет много, так что занимайте места в тендерах заранее. Всем ведь интересно посмотреть место, где больше четырех лет жил

легендарный Александр Селькирк. У нас, кстати, есть интереснейшая экскурсия. Форт Санта-Барбара. Мост Робинзона Крузо. Площадка в джунглях, откуда несчастный островитянин высматривал, не идет ли его спасать какой-нибудь корабль. И всего сорок долларов!

Садовникова не любила стадных мероприятий. В новых местах она предпочитала брести куда глаза глядят. Когда заходишь во дворы, пьешь кофе в неприметных кафешках или просто наблюдаешь за местными, получается куда интереснее.

– Спасибо, – твердо отказалась она. – Я лучше погуляю сама.

– Нет проблем, – не стал настаивать Игл. – Только не берите с собой много денег и не опаздывайте на корабль.

Раньше бы Таня с восторгом восприняла возможность исследовать место жительства прототипа Робинзона Крузо. Побывать в его пещере, погоняться за дикими козами (она читала, это потомки той самой, которую дал Селькирку с собой капитан). Но для туризма, приключений нужно особое, легкое настроение. А девушка сейчас все больше и больше нервничала.

Да и стоянка на острове – всего шесть часов. На первые тендеры, куда ломились толпы местных, девушка не пошла. Отправилась на самом последнем. В итоге только и успела в быстром темпе прогуляться по улочкам Сан-Хуан-Баутисты, сфотографировать местную почту (железный вагончик), по-

жарную часть (ряд палаток) и выпить (йо-хо-хо!) стопочку рома в кафе под названием «Пятница».

За час до отплытия дисциплинированно вернулась на корабль. И обнаружила: щеколда в оконном замке исправлена, а само окно в ее каюте закрыто и тщательно заклеено – снаружи! – темным багажным скотчем.

Таня немедленно бросилась на поиски Орлова-Игла. Тот виновато развел руками:

– Тысяча извинений, но таковы правила острова Матуа! Местные власти не желают, чтобы пассажиры наблюдали. – Понизив голос, дружески добавил: – Впрочем, щеколду можете снова сломать, мы сделаем вид, что не заметили. Я сам не люблю духоту. Но скотч не трогайте. Иначе у нас неприятности будут.

– Ощущение, что мы на Алькатрас курс держим, – пошутила Татьяна.

Орлов серьезно ответил:

– Алькатрас давно уже не тюрьма. Но кто знает, что на этом вашем русском острове!

– Ой, расскажите что-нибудь! – Таня пожертвовала помощнику капитана самую очаровательную из улыбок.

Но Игл трагически вздохнул:

– Я сам не имею ни малейшего понятия.

Ужин на корабле ничем не напоминал церемониал, принятый на круизных лайнерах. Ресторана с крахмальными салфетками Таня, конечно, не ждала. Но на шведский стол хотя бы с минимальным выбором блюд рассчитывала.

И просчиталась.

Стойки с ассортиментом не было вовсе. Узкое окошко, словно в школьной столовой. Рядом на цепочке висит меню, чернобровый буфетчик в несвежем колпаке принимает заказы. Народ толпится в очереди, в речах, обращенных королю прилавка, отчетливо сквозят молящие нотки.

Когда Садовникова добралась до раздатчика, в наличии имелось единственное блюдо – fish (с невообразимым количеством костей) и chips (пережарены до черноты).

Татьяна опасливо взяла тарелку. Пригляделась. Понюхала. Очень подозрительное блюдо. Еще пару лет назад она бы возмутилась и, конечно, добилась нормальной еды (наверняка на корабле имелись стратегические запасы!). Но то ли возраст сказывался, то ли йога научила: незачем тратить силы по пустякам.

Мудрые учат: нужно уступать вечерний прием пищи врагам. А уж когда Садовникова – с помощью единственной очаровательной улыбки – выбила у чернобрового бонус в виде пары маринованных огурчиков, то решила: ужин почти

удался.

Нашла столик в уголке, выискивала наименее горелую картошку, резала тонкими дольками (чтобы растянуть удовольствие) огурцы, наблюдала за публикой.

Необычный народ собрался на корабле. У многих лица истощенные, озабоченные, наряды скромные. Видимо, на работу едут – в низовых должностях. Но изрядно людей беспечных, шумных, пьяноватых, в гавайских рубашках – эти, похоже, просто круизничают. Бюджетно.

Есть и вообще непонятные экземпляры. Целая стайка смуглых девиц – явно в положении, месяц восьмой, не меньше. Или группа субтильных, очень гимнастических детишек под патронажем грозной сухопарой дамы. Причем малышня – будто с рекламного плаката про дружбу народов. Негритята, китайцы, смуглые, молочно-белые. Между собой общаются на дикой смеси испанского и английского.

Танцевальный коллектив, что ли, какой-то?

Тане хотелось подольше поболтаться в столовке – она любила новых людей, незнакомую атмосферу. Да только, как и вчера на палубе, слишком много мужчин бросали в ее сторону очень кобелиные, дерзкие, искушающие взгляды. И Садовникова решила не дразнить мачо – пора, когда ей нравились *драки за прекрасную даму*, давно миновала.

В каюте на кровати ее ждала собака. Лихо скручена из полотенец, кнопка-нос аккуратно вырезан из черной бумаги, на морде красуются Татьянины же солнечные очки. Уборщик

явно выслуживался перед обитательницей каюты люкс. Собака была исполнена с вдохновением, и девушка сразу (чтоб не забыть в завтрашней суматохе) положила на тумбочку возле кровати два доллара. И тут увидела конверт. Не подписан, не запечатан. Внутри – лаконичное послание: *«Уведомляем, что в соответствии с требованиями властей ваша каюта будет заперта завтра с 6.00 до 8.45 утра. Перемещения по теплоходу в этот период запрещены. Ваш чемодан должен быть до этого времени выставлен в коридор. Высадка на остров Матуа осуществляется начиная с 9.00. Благодарим за понимание».*

Что за драконовские меры? Окно заклеили, теперь еще грозят запереть. Что можно увидеть на подходе к русскому острову в Тихом океане? Базу крылатых ракет?

В любом случае подчиняться правилам Татьяна никогда не любила.

В десять вечера девушка выключила телевизор и свет. Спать не хотелось ни капли. Но раз Штирлиц мог – заставит себя и она. Просто лежать и расслаблять мышцы скучно. Поэтому Садовникова представила, будто находится в теплом, черном небе, раскачивается на огромных качелях. Вверх, вниз, под ложечкой сосет, голову дурманит, скорость огромная, все мысли из головы – прочь, прочь, прочь, с каждым взмахом. Плюс корабль приятно потрясывало, в оконную щель рвался бриз, и Таня сама не заметила, как мысли поплыли, и она провалилась в сон.

Проснулась даже раньше будильника – в пять сорок. Свет зажигать не стала – вдруг в коридоре охрана бдит? Включила телефонный фонарик на минимальную яркость. Шум воды привлечет внимание? Ерунда. С нечищеными зубами она все равно никуда не пойдет. Быстро умылась, оделась, светлые волосы спрятала под кепку, привычные белые кроссовки сменила на черные мокасины. Взглянула на себя в зеркало, усмехнулась: практически ниндзя.

Выволокла в коридор чемодан. Заперла каюту. Тишина, тусклый свет ночных лампочек. Никаких охранников, все очень мирно. Осторожно ступая, Таня выбралась на верхнюю палубу. Рассвет еще только манил робкой узенькой полоской, темный наряд идеально сливался с сумраком. Корабль двигался на малом ходу, и остров был уже совсем рядом. Таня впилась взглядом в милый зеленый холм. Даже в мрачноватом предутреннем сумраке Матуа выглядел идилично. По склонам холма лепились особнячки – скромные стометровые, побогаче – метров на четыреста, несколько совсем пафосных. Но генплан строительства, несомненно, имелся. Все строения выдержаны в едином колониальном стиле. Светлые, с белыми колоннами. Полно зелени. Ухоженные сады. Подмигивают фонари. По песчаному пляжу частой цепью бредут фигурки в синих комбинезонах – очевидно, уборщики собирают мусор.

Бинокля у Тани не было, да и что здесь высматривать? Вчера нафантазировала: секретная лаборатория, ангар, база

крылатых ракет. Но островок – по крайней мере, на первый взгляд – сплошь состоял из коттеджей и вилл. Сколько ни приглядывалась, ни единого административного здания не увидела. Где у них поликлиника? Мэрия, аптеки, кафе? Видимо, где-то в глубине острова прячутся, а все побережье отдано частным домам.

«И вообще, глупо разглядывать секретный объект с воды, когда через несколько часов будешь на острове и сможешь его спокойно исследовать», – запоздало укорила себя девушка.

Хотела было вернуться в каюту, но в этот момент корабль резко дернулся, остановился. Загрохотала якорная цепь. Предраассветный сумрак резко сменился ярким светом палубных фонарей. Садовникова метнулась за стопку лежаков, затаилась. Команда шумела, перекликалась – но здесь, на верхней палубе, по-прежнему никого не было.

Зато от острова в сторону корабля бодро двинулся катерок. Сразу за ним – второй, побольше. Пришвартовались неудобно – из укрытия ничего не видно. Таня гусиным шагом прокралась к борту, осторожно выглянула. С первого судна готовились выйти трое. Двое из них знакомые – Марк и мэр, Филипп Борисович. Третий похож на похоронного агента. Черный костюм, белая рубашка, траурный галстук. Очень глупый вид в тропиках. Впрочем, мэр выглядел не лучше. Клетчатые шорты с рубашкой поло еще тянули на четверочку, но сандалии с носками не выдерживали никакой крити-

ки. В прошлом году Таня видела подобный наряд в паре модных журналов, пробил он себе таки дорогу, перестал быть вульгарным! Однако она не сомневалась: мэр за тенденциями не следил. Подобным образом всю жизнь одевался.

Капитан и его помощник встретили прибывших подобострастно. Пропустили вперед, сами, будто и не хозяева на корабле, преданно и робко засеменили сзади. Компания удалилась. Таня снова заскучала. Так напрягала глаза, пытаюсь разглядеть на острове что-нибудь необычное, что они начали слипаться. Уже стала задремывать в своей норке за стопкой шезлонгов, но тут на нижней палубе – стук, грохот. С десятков матросов выстроились в цепочку. Крикливый дядька подал команду, и начали передавать друг другу какие-то ящички – длинные, опознавательных знаков нет. Целую гору сложили на палубе. Потом настал черед прозрачных коробок. В них – чем-то заполненные пакеты. Таня щурилась так, что слезились глаза, и, кажется, углядела: платистиковые мешки с темно-бордовой жидкостью. Точно из таких в больницах кровь переливают.

Таня вытащила телефон. Долго прилаживалась, примерялась. Сделала пару снимков. Но качество, конечно, ужасное – слишком далеко и темно.

Ящички и емкости перебросили на катер. Потом еще таскали более мирные грузы (Таня ухихикалась): мелкие русские яблочки. Гречку. Красную икру в трехлитровых банках. Кирпичи черного хлеба. Ностальгия у бедных миллионеров.

Наконец, забили полное судно, завели мотор, собрались отшвартовываться.

«И что ты узнала, о, великая Мата Хари?» – с ухмылкой спросила себя Татьяна.

Но тут увидела: в сторону катера поспешает дядька в похоронном костюме. А за ним – двое матросов тащат носилки. На них человек. Не шевелится, укрыт под подбородок. Лица не разглядеть. Зато отлично виден огромный живот. Похоже, та самая беременная, которую позавчера спасла Татьяна.

Ношу погрузили на палубу, сопровождающий прыгнул следом, и суденышко немедленно отшвартовалось.

Садовникова снова прокралась за лежаки. Она была озадачена. Зачем чилийке или мексиканке с огромным сроком беременности ехать на русский остров? Здесь роды, что ли, по дешевке принимают? Или, может, это суррогатная мать? Очередная певичка или богачка решила завести дитя, не утруждая себя беременностью?

А те пять или шесть беременных дам, которых Таня видела вчера в столовой? Они, может, тоже на остров?! Детей продавать?!

«Вот почему мне до всего есть дело?! – упрекнула себя Садовникова. – Ищу проблемы на свою голову, потом сама их решаю».

Часы показывали половину восьмого утра. Чертовски надоело прятаться, сидеть на корточках. Хотелось одновременно есть и спать.

Пора возвращаться.

Чемодана возле двери не было. Каюта, как и обещали, оказалась заперта. Но, по счастью, никаких охранников или пломб на двери. Таня без труда отомкнула замок своим ключом, проскользнула внутрь и закрылась изнутри.

Ее отлучки, кажется, никто не заметил.

Садовникова с удовольствием скинула жаркие мокасины, разделась, приняла душ. Пожалела, что канули времена, когда путешественники брали с собой кипятильники. Но бананы с острова Робинзона Крузо – тоже неплохой завтрак.

В восемь с небольшим в замке повернулся ключ, потом в дверь вежливо постучали.

– Come in! – весело пригласила девушка.

В каюту вступил Филипп Борисович. Радости в его глазах не было. Кисло улыбнулся:

– Добро пожаловать на Матуа.

Покосился на ее босые ноги. Хмыкнул:

– Не замерзнете? У нас плюс шестнадцать.

– А в Москве минус десять, – улыбнулась Садовникова.

Добавила: – Я польщена. Меня еще никогда в жизни сам мэр не встречал.

– Чего не сделаешь для дорогих гостей? – печальным тоном откликнулся тот. – Вы готовы? Пойдемте.

– А что с моим чемоданом?

– Доставят в целости и сохранности, не беспокойтесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.